

Майн
РИД

*Всадник
без головы*

Зарубежная классика (Эксмо)

Томас Майн Рид

Всадник без головы

«Эксмо»

1865

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вел)-44

Майн Рид Т.

Всадник без головы / Т. Майн Рид — «Эксмо»,
1865 — (Зарубежная классика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-095556-5

«Всадник без головы» – настоящий эталон приключенческой прозы, который прославил английского писателя Майн Рида. Мастерски построенный сюжет, основанный на раскрытии загадочного преступления, совершенного в Техасе в середине XIX столетия, держит читателя в напряжении до последнего. Странный всадник движется по ночной саванне, наводя ужас на ее обитателей. У всадника нет головы. Кто он? Привидение, дьявол или человек? Участниками расследования этой таинственной истории станут благородный мустангер Морис Джеральд, его возлюбленная Луиза Пойндекстер, старый охотник Зеб Стумп и капитан Кассий Колхаун.

УДК 821.111-311.3

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-095556-5

© Майн Рид Т., 1865

© Эксмо, 1865

Содержание

Пролог	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	38
Глава IX	41
Глава X	45
Глава XI	49
Глава XII	53
Глава XIII	59
Глава XIV	62
Глава XV	65
Глава XVI	68
Глава XVII	72
Глава XVIII	76
Глава XIX	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Майн Рид

Всадник без головы

© Макарова А.Ю., перевод на русский язык. Наследник, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны¹, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Но он не покидает своего ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы – дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову – над высокой травой показываются его рога – и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении. Он стремительно вскакивает и мчится по прерии; но скоро он останавливается и оглядывается назад, недоумевая: кто потревожил его сон?

В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага – человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника – что-то неестественное – приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть – в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

Что же заставило оленя так долго вглядываться в странную фигуру?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, оседланный, взнузданный, – в нем нет ничего, что могло бы вызвать удивление или тревогу. Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать – в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы силясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. Он не останавливается до тех пор, пока не переплывает Леону и бурный поток не отделяет его от страшного всадника.

Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву. Ни голосом, ни движением не подгоняет он ее, когда, испуганная лаем койотов, она вдруг вскидывает голову и, храпя, останавливается.

Кажется, что он во власти каких-то глубоких чувств и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полуночная луна – единственные свидетели его молчаливых раздумий.

На плечи всадника наброшено серапе², которое при порыве ветра приподнимается и открывает часть его фигуры; на ногах у него гетры из шкуры ягуара. Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним, беззаботный, как цикады, стрекочущие в траве, как ночной ветерок, играющий складками его одежды.

Наконец что-то, по-видимому, вывело всадника из задумчивости, – его конь ускорил шаг. Вот конь встряхнул головой и радостно заржал – с вытянутой шеей и раздувающимися нозд-

¹ *Саванна* – американская степь, покрытая высокой сочной травой.

² *Серапе* – широкий мексиканский плащ.

рями он бежит вперед рысью и скоро уже скачет галопом: близость реки – вот что заставило коня мчаться быстрее.

Он не останавливается до тех пор, пока не погружается в прозрачный поток так, что вода доходит всаднику до колен. Конь с жадностью пьет; утолив жажду, он переправляется через реку и быстрой рысью взбирается по крутому берегу.

Наверху всадник без головы останавливается, как бы ожидая, пока конь отряхнется от воды. Раздается лязг сбруи и стремян – словно гром загрохотал в белом облаке пара.

Из этого ореола появляется всадник без головы; он снова продолжает свой путь.

Видимо, подгоняемая шпорами и направляемая рукой седока, лошадь больше не сбивается с пути, а бежит уверенно вперед, словно по знакомой тропе.

Впереди, до самого горизонта, простираются безграничные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; он постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света.

Глава I

Выжженная прерия

Полуденное солнце ярко светит с безоблачного лазоревого неба над бескрайней равниной Техаса около ста миль южнее старого испанского города Сан-Антонио-де-Бехар. В золотых лучах вырисовываются предметы, необычные для дикой прерии, – они говорят о присутствии людей там, где не видно признаков человеческого жилья.

Даже на большом расстоянии можно разглядеть, что это фургоны; над каждым – полукруглый верх из белоснежного полотна.

Их десять – слишком мало для торгового каравана или правительственного обоза. Скорее всего, они принадлежат какому-нибудь переселенцу, который высадился на берегу залива и теперь направляется в один из новых поселков на реке Леоне.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по саванне так медленно, что их движение почти незаметно, и лишь по их взаимному положению в длинной цепи обоза можно об этом догадаться. Темные силуэты между фургонами свидетельствуют о том, что они запряжены, а убегающая в испуге антилопа и взлетающий с криком кроншнеп выдают, что обоз движется. И зверь и птица недоумевают: что за странные чудовища вторглись в их дикие владения?

Во всей прерии не видно никакого движения: ни летящей птицы, ни бегущего зверя. В этот знойный полуденный час все живое в прерии замирает или прячется в тень. И только человек, подстрекаемый честолюбием или алчностью, нарушает законы тропической природы и бросает вызов палящему солнцу.

Так и хозяин обоза, несмотря на изнуряющую полуденную жару, продолжает свой путь.

Каждый фургон запряжен восемью сильными мулами. Они везут большое количество съестных припасов, дорогую, можно даже сказать – роскошную, мебель, черных рабынь и их детей; чернокожие невольники идут пешком рядом с обозом, а некоторые устало плетутся позади, еле переступая израненными босыми ногами. Впереди едет легкая карета, запряженная выхолощенными кентуккскими мулами; на ее козлах черный кучер в ливрее изнывает от жары. Все говорит о том, что это не бедный поселенец из северных штатов ищет себе новую родину, а богатый южанин, который уже приобрел усадьбу и едет туда со своей семьей, имуществом и рабами.

И в самом деле, обоз принадлежит плантатору, который высадился с семьей в Индианоле, на берегу залива Матагорда, и теперь пересекает прерию, направляясь к своим новым владениям.

Среди сопровождающих обоз всадников, как всегда, впереди едет сам плантатор, Вудли Пойндекстер – высокий, худощавый человек лет пятидесяти, с бледным, болезненно желтоватым лицом и с горделиво-суровой осанкой. Одет он просто, но богато. На нем свободного покроя кафтан из альпака, жилет из черного атласа и нанковые панталоны. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, вдетых в стремя, – башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей соломенной шляпы на лицо плантатора падает тень.

Рядом с ним едут два всадника, один справа, другой слева: это юноша лет двадцати и молодой человек лет на шесть-семь старше.

Первый – сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши совсем не похоже на суровое лицо отца и на мрачную физиономию третьего всадника – его кузена.

На юноше французская блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, панталоны из того же материала; этот костюм – самый подходящий для южного климата – очень к лицу юноше, так же как и белая панама.

Его двоюродный брат – отставной офицер-волонтер – одет в военную форму из темно-синего сукна, на голове у него суконная фуражка.

Еще один всадник скачет неподалеку; у него тоже белая кожа – правда, не совсем белая. Грубые черты его лица, дешевая одежда, плеть, которую он держит в правой руке, так искусно ею шелкая, – все говорит о том, что это надсмотрщик над чернокожими, их мучитель.

В «карриоле» – легкой карете, представляющей нечто среднее между кабриолетом и ландо, – сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительно-белая, у другой – совсем черная. Это единственная дочь Вудли Пойндекстера и ее чернокожая служанка.

Путешественники едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана.

Сам плантатор – не уроженец этого плата; другими словами – не креол³. По лицу же его сына и особенно по тонким чертам его дочери, которая время от времени выглядывает из-за занавесок кареты, легко догадаться, что они потомки французской эмигрантки, одной из тех, которые более столетия назад пересекли Атлантический океан.

Вудли Пойндекстер, владелец крупных сахарных плантаций, был одним из наиболее надменных, расточительных и хлебосольных аристократов Юга. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свой дом на Миссисипи и переехать с семьей и горсточкой оставшихся негров в дикие прерии Техаса.

Солнце почти достигло зенита. Путники идут медленно, наступая на собственные тени. Расслабленные нестерпимой жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, менее чувствительные к зною, прекратили свою болтовню и, сбившись в кучки, безмолвно плетутся позади фургонов.

Тишина, томительная, как на похоронах, время от времени прерывается лишь резким, словно выстрел пистолета, шелканьем кнута или же громким бархатистым «уоа», срывающимся с толстых губ то одного, то другого чернокожего возницы.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Она обозначена только следами колес проехавших ранее повозок, следами, заметными лишь по раздавленным стеблям сочной травы.

Несмотря на свой черепаший шаг, лошади, запряженные в фургоны, делают все, что в их силах. Плантатор предполагает, что до новой усадьбы осталось не больше двадцати миль. Он надеется добраться туда до наступления ночи. Поэтому он и решил продолжать путь, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик делает знак возницам, чтобы они остановили обоз. Отъехав на сотню ярдов вперед, он внезапно натянул поводья, как будто перед каким-то препятствием.

Он мчит к обозу. В его жестах – тревога. Что случилось?

Не индейцы ли? Говорили, что они появляются в этих местах.

– Что случилось, мистер Сансом? – спросил плантатор, когда всадник приблизился.

– Трава выжжена. В прерии был пожар.

– Был пожар? Но ведь сейчас прерия не горит, – быстро спрашивает хозяин обоза, бросая беспокойный взгляд в сторону кареты. – Где? Я не вижу дыма.

– Нет, сэр, – бормочет надсмотрщик, поняв, что он поднял напрасную тревогу, – я не говорил, что она сейчас горит, я только сказал, что прерия горела и вся земля стала черной, что твоя пиковая десятка.

– Ну, это не беда! Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

– Глупо, Джон Сансом, поднимать шум из-за пустяков!.. Эй вы, черномазые, пошевеливайтесь! Берись за кнуты! Погоняй! Погоняй!

³ Креолы – потомки французов или испанцев, ранних переселенцев в Америку. Они сохраняют свой национальный язык и обычаи.

– Но скажите, капитан Колхаун, – возразил надсмотрщик человеку, который так резко отчитал его, – как же мы найдем дорогу?

– Зачем искать дорогу? Какой вздор! Разве мы с нее сбились?

– Боюсь, что да. Следов колес не видно: они сгорели вместе с травой.

– Пустяки! Как будто нельзя пересечь выжженный участок и без следов. Мы найдем их на той стороне.

– Да, если только там осталась другая сторона, – простодушно ответил надсмотрщик, который, хотя и был уроженцем восточных штатов, не раз бывал и на западной окраине прерии и знал, что такое пограничная жизнь. – Что-то ее не видно, хоть я и с седла гляжу!..

– Погоняй, черномазые! Погоняй! – закричал Колхаун, прервав разговор.

Пришпорив лошадь, он поскакал вперед, давая этим понять, что распоряжение должно быть выполнено.

Обоз опять тронулся, но, подойдя к границе выжженной прерии, внезапно остановился.

Всадники съезжаются вместе, чтобы обсудить, что делать. Положение трудное – в этом все убедились, взглянув на равнину, которая расстилалась перед ними.

Кругом не видно ничего, кроме черных просторов. Нигде никакой зелени – ни стебелька, ни травинки. Пожар свирепствовал недавно – во время летнего солнцестояния. Созревшие травы и яркие цветы прерии – все превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Впереди, направо, налево, насколько хватает зрения, простирается картина опустошения. Небо теперь не лазоревое – оно стало темно-синим, а солнце, хотя и не заслонено облаками, как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Надсмотрщик сказал правду: не осталось и следов дороги.

Пожар, испепеливший созревшие травы прерии, уничтожил и следы колес, указывавших раньше дорогу.

– Что же нам делать? – Этот вопрос задает сам плантатор, и в голосе его звучит растерянность.

– Что делать, дядя Вудли?.. Конечно, продолжать путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили, мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз... Там видно будет.

– Но, Кассий, ведь этак мы заблудимся!

– Вряд ли... Мне кажется, что выгоревшее пространство не так велико. Не беда, если мы немного собьемся с дороги: все равно, рано или поздно, мы выйдем к реке в том или ином месте.

– Хорошо, мой друг. Тебе лучше знать, я положусь на тебя.

– Не бойтесь, дядя. Мне случалось бывать и не в таких переделках... Вперед, негры! За мной!

И отставной офицер бросил самодовольный взгляд в сторону кареты, из-за занавесок которой выглянуло прекрасное, слегка встревоженное лицо девушки. Колхаун пришпорил лошадь и самоуверенно поскакал вперед.

Вслед за шелканьем кнутов слышится топот копыт восьмидесяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы идут быстрее. Черная поверхность, непривычная для глаз животных, словно подгоняет их; едва успев коснуться пепла копытами, они тотчас же снова поднимают ноги. Молодые мулы храпят в испуге. Мало-помалу они успокаиваются и, глядя на старших, идут вслед за ними ровным шагом.

Так караван проходит около мили. Затем он снова останавливается. Это распоряжение отдал человек, который сам вызвался быть проводником. Он натягивает поводья, но в позе его уже нет прежней самоуверенности. Должно быть, он озадачен, не зная, куда ехать.

Ландшафт, если только его можно так назвать, изменился, но не к лучшему. Все по-прежнему черно до самого горизонта. Только поверхность уже не ровная: она стала волнистой. Цепи холмов перемежаются долинами. Нельзя сказать, что здесь совсем нет деревьев, хотя то, что от них осталось, едва ли можно так назвать. Здесь были деревья до пожара – алгаробо⁴, мескито⁵ и еще некоторые виды акации росли здесь в одиночку и рощами. Их перистая листва исчезла без следа, остались только обуглившиеся стволы и почерневшие ветки.

– Ты сбился с дороги, мой друг? – спрашивает плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

– Нет, дядя, пока нет. Я остановился, чтобы оглядеться. Нам нужно ехать вот по этой долине. Пусть караван продолжает путь. Мы едем правильно, я за это ручаюсь.

Караван снова трогается. Спускается вниз по склону, направляется вдоль долины, снова взбирается по откосу и на гребне возвышенности опять останавливается.

– Ты все же сбился с дороги, Каш? – повторяет свой вопрос плантатор, подъезжая к племяннику.

– Черт побери! Боюсь, что ты прав, дядя. Но скажи, какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу на этом пожарище!.. Нет-нет! – вдруг восклицает Колхаун, увидев, что карета подъехала совсем близко. – Мне теперь все ясно. Мы едем правильно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан пришпорил лошадь, по-видимому сам не зная, куда ехать. Фургоны следуют за ним, но от возниц не ускользнуло замешательство Колхауна. Они замечают, что обоз движется не прямо вперед, а кружит по долинам между рощицами.

Но вот ободряющий возглас вожатого сразу поднимает настроение путников. Дружно щелкают кнуты, слышатся радостные восклицания.

Путешественники вновь на дороге, где до них проехало, должно быть, с десятков повозок. И это было совсем недавно: отпечатки колес и копыт совершенно свежие, как будто они сделаны час назад. Видимо, по выжженной прерии проехал такой же караван.

Как и они, он, должно быть, держал свой путь к берегам Леоны; очень вероятно, что это правительственный обоз, который направляется в форт Индж. В таком случае остается только двигаться по его следам. Форт находится в том же направлении, лишь немного дальше новой усадьбы.

Ничего лучшего нельзя было и ожидать. От замешательства Колхауна не остается и следа, он снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдает распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть, и больше караван идет по найденным следам. Они ведут не прямо вперед, но кружат среди обгоревших рощ. Самодовольная уверенность Кассия Колхауна переходит в мрачное уныние. На лице его отражается глубокое отчаяние, когда он наконец догадывается, что следы сорока четырех колес, по которым они едут, были оставлены каретой и десятью фургонами – теми самыми, что следуют сейчас за ним и с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.

⁴ *Алгаробо* – рожковое дерево.

⁵ *Мескито* – колючий кустарник.

Глава II

След лассо

Не оставалось никаких сомнений, что фургоны Вудли Пойндекстера шли по следам своих же колес.

– Наши следы! – пробормотал Колхаун; сделав это открытие, он натянул поводья и разразился проклятиями.

– Наши следы? Что ты этим хочешь сказать, Кассий? Неужели мы едем...

– ...по нашим собственным следам. Да, именно это я и хочу сказать. Мы описали полный круг. Смотрите: вот заднее копыто моей лошади – отпечаток половины подковы, а вот следы негров. Теперь я узнаю и место. Это тот самый холм, откуда мы спускались после нашей последней остановки. Вот уж чертовски не повезло – напрасно проехали около двух миль!

Теперь на лице Колхауна заметна не только растерянность – на нем появились горькая досада и стыд. Это он виноват, что в караване нет настоящего проводника. Тот, которого наняли в Индианоле, сопровождал их до последней стоянки; там, поспорив с заносчивым капитаном, он попросил расчет и отправился назад.

Все это, а также чрезмерная самоуверенность, с которой он вызвался вести караван, заставляют теперь племянника плантатора испытывать мучительный стыд. Его настроение становится совсем мрачным, когда приближается карета и прекрасные глаза видят его замешательство.

Пойндекстер больше не задает вопросов. Для всех теперь ясно, что они сбились с пути. Даже босоногие пешеходы узнали отпечатки своих ног и поняли, что идут по этим местам уже во второй раз.

Караван опять остановился; всадники возбужденно совещаются. Положение серьезное: так думает и сам плантатор. Он потерял надежду до наступления темноты закончить путешествие, как предполагал раньше.

Но это еще не самая большая беда. Кто знает, что ждет их впереди? Выжженная прерия полна опасностей. Быть может, им предстоит провести здесь ночь и нигде будет достать воды, чтобы напоить мулов. А может быть, и не одну ночь?

Но как же найти дорогу? Солнце начинает клониться к западу, хотя все еще стоит слишком высоко, чтобы уловить, в какую сторону оно движется; однако через некоторое время можно будет определить, где находятся страны света.

Но что толку? Даже если они узнают, где находятся восток, запад, север и юг, ничего не изменится – они потеряли направление!

Колхаун стал осторожнее. Он уже больше не претендует на роль проводника. После такой позорной неудачи у него не хватает на это смелости.

Минут десять они совещаются, но никто не может предложить разумный план действий. Никто не знает, как вырваться из этой черной прерии, которая заволакивает черной пеленой не только солнце и небо, но и лица тех, кто попал в ее пределы.

Высоко в небе показалась стая черных грифов. Они всё приближаются. Некоторые из них опускаются на землю, другие кружат над головами заблудившихся путников. В поведении хищников есть что-то зловещее.

Прошло еще десять гнетущих минут. И вдруг к людям вернулась бодрость: они увидели всадника, скачущего прямо к обозу.

Какая неожиданная радость! Кто бы мог подумать, что в таком месте можно встретить человека! Снова надежда засветилась в глазах путников – в приближающемся всаднике они видят своего спасителя.

– Ведь он едет к нам, не правда ли? – спросил плантатор, не веря своим глазам.

– Да, отец, он едет прямо к нам, – ответил Генри и стал кричать и размахивать шляпой высоко над головой, чтобы привлечь внимание всадника.

Но это было излишне – всадник и без того заметил остановившийся караван. Он скакал галопом и скоро приблизился настолько, что можно было окликнуть его.

Он натянул поводья, только когда миновал обоз, и подъехал к плантатору и его спутникам.

– Мексиканец, – прошептал Генри, взглянув на одежду незнакомца.

– Тем лучше, – так же тихо ответил ему отец. – Тогда он наверняка знает дорогу.

– Ничего мексиканского в нем нет, кроме костюма, – пробормотал Колхаун. – Я сейчас это узнаю... *Vuenos días, caballero! Esta vuestra mexicano?* (Добрый день, кабальеро! Вы мексиканец?)

– О нет, – ответил тот, улыбнувшись. – Я совсем не мексиканец. Я могу объясниться с вами и по-испански, если хотите, но мне кажется, вы лучше поймете меня, если мы будем говорить по-английски – ведь это ваш родной язык? Не так ли?

Колхаун подумал, что допустил какую-то ошибку в своей фразе или же не справился с произношением, и поэтому воздержался от ответа.

– Мы американцы, сэр, – ответил Пойндекстер с чувством уязвленной национальной гордости. Затем, как бы боясь обидеть человека, от которого ждал помощи, добавил: – Да, сэр, мы все американцы, из южных штатов.

– Это легко определить по вашим спутникам, – сказал всадник с едва уловимой презрительной усмешкой, взглянув в сторону негров-невольников. – Нетрудно заметить также, – добавил он, – что вы впервые путешествуете по прерии. Вы сбились с дороги?

– Да, сэр, и у нас нет никакой надежды найти ее, если только вы не будете так добры и не поможете нам.

– Стоит ли говорить о таких пустяках! Совершенно случайно я заметил ваши следы, когда ехал по прерии. Поняв, что вы заблудились, я прискакал сюда, чтобы помочь вам.

– Это очень любезно с вашей стороны. Мы вам признательны, сэр. Меня зовут Пойндекстер – Вудли Пойндекстер из Луизианы. Я купил усадьбу на берегу Леоны, вблизи форта Индж. Мы надеялись добраться туда засветло. Как вы думаете, мы успеем?

– Разумеется. Если только будете следовать моим указаниям.

Сказав это, незнакомец отъехал на некоторое расстояние в сторону и поскакал на вершину холма. Оттуда он стал напряженно всматриваться в даль, видно стараясь определить, в каком направлении должны двигаться путешественники.

Силуэт всадника красиво вырисовывался на фоне неба.

Породистый гнедой конь – даже арабскому шейху не стыдно было бы сесть на такого коня! – широкогрудый, на стройных, как тростник, ногах, с могучим крупом и великолепным густым хвостом. А на спине у него всадник – молодой человек лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, одетый в живописный костюм мексиканского ранч⁶: на нем бархатная куртка, брюки со шнуровкой по бокам, сапоги из шкуры бизона с тяжелыми шпорами; ярко-красный шелковый шарф опоясывает талию; на голове черная глянцевая шляпа, отделанная золотым позументом. Вообразите такого всадника, сидящего в глубоком седле мавританского стиля и мексиканской работы, с кожаным, украшенным тисненными узорами чепраком, похожим на те, которыми покрывали своих коней конквистадоры. Представьте себе такого кабальеро – и пред вашим взором будет тот, на кого смотрели плантатор и его спутники.

⁶ *Ранчэро* – скотовод.

А из-за занавесок кареты на всадника смотрели глаза, выдававшие совсем особое чувство. Первый раз в жизни Луиза Пойндекстер увидела человека, который, казалось, был реальным воплощением героя ее девичьих грез. Незнакомец был бы польщен, если бы узнал, какое волнение он вызвал в груди молодой креолки.

Но как мог он это знать? Он даже не подозревал о ее существовании. Его взгляд лишь скользнул по запыленной карете, – так смотришь на невзрачную раковину, не подозревая, что внутри ее скрывается драгоценная жемчужина.

– Клянусь честью! – сказал всадник, обернувшись к владельцу фургонов. – Я не могу найти никаких примет, которые помогли бы вам добраться до места. Но дорогу туда я знаю. Вам придется переправиться через Леону в пяти милях ниже форта, а так как я и сам направляюсь к этому броду, то вы можете ехать по следам моей лошади. До свиданья, господа!

Распрощавшись так внезапно, незнакомец прищипорил коня и поскакал галопом.

Этот неожиданный отъезд показался плантатору и его спутникам весьма невежливым. Но они не успели ничего сказать, как увидели, что незнакомец возвращается. Не прошло и десяти секунд, как всадник снова был с ними. Все недоумевали, что заставило его вернуться.

– Боюсь, что следы моей лошади вам мало помогут. После пожара здесь успели побывать мустанги. Они оставили тысячи отпечатков своих копыт. Правда, моя лошадь подкована, но ведь вы не привыкли различать следы, и вам будет трудно разобраться, тем более что на сухой золе все лошадиные следы почти одинаковы.

– Что же нам делать? – спросил плантатор с отчаянием в голосе.

– Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, но я не могу сопровождать вас. Я должен срочно доставить в форт важное донесение. Если вы потеряете мой след, держитесь так, чтобы солнце было у вас справа, а ваши тени падали налево, под углом около пятнадцати градусов к линии движения. Миль пять двигайтесь прямо вперед. Затем вы увидите верхушку высокого дерева – кипариса. Направляйтесь прямо к этому дереву. Оно стоит на самом берегу реки, недалеко от брода.

Молодой всадник уже натянул поводья и готов был снова ускакать, но что-то заставило его сдержать коня. Он увидел темные блестящие глаза, глядевшие из-за занавесок кареты, – в первый раз он увидел эти глаза.

Обладательница их скрылась в тени, но было еще достаточно светло, чтобы разглядеть лицо необычайной красоты. Кроме того, он заметил, что прекрасные глаза устремлены в его сторону и что они смотрят на него взволнованно, почти нежно.

Невольно он ответил восхищенным взглядом, но, испугавшись, как бы это не сочли дерзостью, круто повернул коня и снова обратился к плантатору, который только что поблагодарил его за любезность.

– Я не заслуживаю благодарности, – сказал незнакомец, – так как оставляю вас на произвол судьбы, но, к несчастью, я не располагаю свободным временем.

Он посмотрел на часы, как будто сожалея, что ему придется ехать одному.

– Вы очень добры, сэр, – сказал Пойндекстер. – Я надеюсь, что, следуя вашим советам, мы не собьемся с пути. Солнце нам поможет.

– Боюсь, как бы не изменилась погода. На севере собираются тучи. Через час они могут заслонить солнце... во всяком случае, это произойдет раньше, чем вы достигнете места, откуда виден кипарис... Я не могу вас так оставить... Впрочем, – сказал он после минуты размышления, – я придумал: держитесь следа моего лассо!

Незнакомец снял с седельной луки свернутую веревку и, прикрепив один конец к кольцу на седле, бросил другой на землю. Затем, изящным движением приподняв шляпу, он вежливо поклонился – почти в сторону кареты, – прищипорил лошадь и снова поскакал по прерии.

Лассо, вытянувшись позади лошади ярдов на двенадцать, оставило на испепеленной поверхности прерии полосу, похожую на след проползшей змеи.

– Удивительно странный молодой человек! – сказал плантатор, глядя вслед всаднику, скрывшемуся в облаке черной пыли. – Мне следовало бы спросить его имя.

– Удивительно самодовольный молодой человек, я бы сказал, – пробормотал Колхаун, от которого не ускользнул взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты, так же как и взволнованный взгляд кузины. – Что касается его имени, то о нем, пожалуй, и не стоило спрашивать. Наверняка он назвал бы вымышленное. Техас переполнен такими франтами, которые, попав сюда, обзаводятся новыми именами, более благозвучными, или же меняют их по каким-нибудь другим причинам.

– Послушай, Кассий, – возразил молодой Пойндекстер, – ты к нему несправедлив. Он, по-моему, человек образованный, джентльмен, вполне достойный носить самое знатное имя.

– «Джентльмен»! Черт возьми, вряд ли! Я никогда не встречал джентльмена, который рядился бы в мексиканские тряпки. Бьюсь об заклад, что это просто какой-нибудь проходимец.

Во время этого разговора прекрасная креолка выглянула из кареты и с нескрываемым интересом провожала глазами удалявшегося всадника.

Не этим ли следует объяснить язвительный тон Колхауна?

– В чем дело, Лу? – спросил он почти шепотом, подъезжая вплотную к карете. – Ты, кажется, очень торопишься? Может быть, ты хочешь догнать этого наглеца? Еще не поздно – я дам тебе свою лошадь.

Девушка откинулась назад, очевидно недовольная не только словами, но и тоном кузена. Но она не показала виду, что рассердилась, и не стала спорить – она выразила свое недовольство гораздо более обидным образом. Звонкий смех был единственным ответом, которым она удостоила кузена.

– Ах, так... Глядя на тебя, я так и подумал, что тут что-то нечисто. У тебя был такой вид, словно ты очарована этим щеголеватым курьером. Он пленил тебя, вероятно, своим пышным нарядом? Но знай, что это всего лишь ворона в павлиньих перьях, и мне, верно, еще придется содрать их с него и, быть может, с куском его собственной кожи.

– Как тебе не стыдно, Кассий! Подумай, что ты говоришь!

– Это тебе надо подумать о том, как ты себя ведешь, Лу. Удостоить своим вниманием какого-то бродягу, ряженого шута! Я не сомневаюсь, что он простой почтальон, нанятый офицерами форта.

– Почтальон, ты думаешь? О, как бы я хотела получать любовные письма из рук такого писмоносца!

– Тогда поспеши и скажи ему об этом. Моя лошадь к твоим услугам.

– Ха-ха-ха! Как же ты несообразителен! Если бы я даже захотела, шутки ради, догнать этого почтальона на прерии, то на твоей ленивой кляче мне это вряд ли удалось бы. Он так быстро мчится на своем гнедом, что, конечно, они оба исчезнут из виду, прежде чем ты успеешь переменить для меня седло. О нет! Мне его не догнать, как бы мне этого ни хотелось.

– Смотри, чтобы отец не услышал тебя!

– Смотри, чтобы он тебя не услышал, – ответила девушка, заговорив теперь уже серьезным тоном. – Хотя ты мой двоюродный брат и отец считает тебя верхом совершенства, я этого не считаю, о нет! Я никогда не скрывала это от тебя – не так ли?

Колхаун только нахмурился в ответ на это горькое для него признание.

– Ты мой двоюродный брат – и только, – продолжала девушка строгим голосом, резко отличавшимся от того шутивого тона, которым она начала беседу. – Для меня ты больше никто, капитан Кассий Колхаун! И не пытайся, пожалуйста, быть моим советчиком. Только с одним человеком я считаю своим долгом советоваться, и только ему я позволю упрекать себя. А поэтому прошу тебя, мастер⁷ Каш, воздержаться от подобных нравоучений. Я никому

⁷ Мастер – обращение к юноше или мальчику из богатой семьи; негры-невольники произносили «масса» и называли так

не стану давать отчет в своих мыслях, так же как и в поступках, до тех пор, пока не встречу достойного человека. Но не тебе быть моим избранником!

Закончив свою отповедь, девушка снова откинулась на подушки, смерив капитана взглядом, полным негодования и презрения. Потом она задернула занавески кареты, давая этим понять, что больше не желает с ним разговаривать.

Крики возниц вывели капитана из оцепенения. Фургоны снова двинулись в путь по мрачной прерии, которая едва ли была мрачнее мыслей Кассия Колхауна.

Глава III

Путеводная стрелка

Путешественники больше не беспокоились о дороге: след лассо тянулся непрерывной змейкой и был так отчетливо виден, что даже ребенок не сбился бы с пути.

Он не шел по прямой, а извивался между зарослями кустарников. Порой, когда путь лежал по местности, где не было деревьев, он отклонялся в сторону. Делалось это не случайно: в таких местах были глубокие овраги и другие препятствия – змейка следа огибала их, показывая дорогу фургонам.

– Как это предусмотрительно со стороны молодого человека! – сказал Пойндекстер. – Право, я очень жалею, что мы не узнали его имени. Если он служит в форте, мы еще встретимся с ним.

– Без сомнения! – воскликнул Генри. – И я буду этому очень рад.

Луиза сидела, откинувшись на спинку сиденья, – она слышала разговор между отцом и братом, но ничего не сказала, только в ее взгляде можно было прочесть, что она всем сердцем разделяет надежду брата.

Радуюсь скорому окончанию трудного путешествия, а также возможности до захода солнца увидеть свои новые владения, плантатор был в прекрасном настроении. Этот гордый аристократ вдруг удостоил своим снисходительным вниманием всех окружающих: непринужденно болтал с надсмотрщиком, остановился пошутить с дядюшкой Сципионом, едва ковылявшим на покрытых волдырями ногах, подбодрил тетушку Хлою, которая ехала с младенцем на руках.

«Чудесно! – может воскликнуть посторонний наблюдатель, введенный в заблуждение такой необычайной сценой, столь старательно изображаемой писателями, подкупленными самим сатаной. – В конце концов, как прекрасны патриархальные нравы рабовладельцев! И это после всего, что мы говорили и сделали для уничтожения рабства! Попытка разрушить это древнее здание – достойный краеугольный камень рыцарственной нации – лишь филантропическая блажь, излишняя чувствительность. О вы, фанатики, стремящиеся к уничтожению рабства! Почему вы восстаете против него? Разве вы не знаете, что одни должны страдать, должны работать и голодать, чтобы другие наслаждались роскошью и бездельем? Разве вы не знаете, что одни должны быть рабами, чтобы другие были свободными?»

Эти речи, несущие страдания миллионам, за последнее время раздаются слишком часто. Горе человеку, который произносит их, и нации, которая их слушает!

* * *

Хорошее настроение плантатора, казалось, разделяли все его спутники, за исключением Колхауна. Оно отражалось на лицах невольников, которые считали Пойндекстера источником своего счастья или несчастья – всемогущим, почти как бог.

Они любили его меньше, чем бога, но боялись больше, хотя его нельзя было назвать плохим хозяином – по сравнению с другими рабовладельцами. Он не находил особого удовольствия в истязании своих рабов и был доволен, когда видел, что они сыты и одеты, что кожа их лоснится от жира. Ведь по этим признакам судили о благосостоянии его самого – их господина. Он иногда учил их плетью – уверяя, что это оказывает на них благотворное действие, – однако на коже его невольников не было ни одного рубца от жестоких истязаний, а этим мог похвастаться далеко не всякий рабовладелец штата Миссисипи.

Стоит ли удивляться, что в обществе такого «примерного» хозяина все были в хорошем настроении и даже невольники, заразившись общей радостью, принялись весело болтать!

Однако благодушное настроение длилось недолго. Оно было прервано внезапно и не по вине тех, кто его разделял: причиной были обстоятельства, которые от них не зависели.

Как и предсказал незнакомец, солнце скрылось раньше, чем показался кипарис.

Но это не должно было бы вызвать беспокойства: след лассо был по-прежнему хорошо виден, и ориентироваться по солнцу не было необходимости. Однако тучи, затянувшие небо, угнетающе действовали на путников.

– Можно подумать, что уже наступили вечерние сумерки, – сказал плантатор, вынимая свои золотые часы, – а между тем всего лишь три часа. Наше счастье, что этот молодой человек помог нам. Если бы не он, мы до заката проплутали бы по этой выжженной прерии. Пожалуй, пришлось бы заночевать прямо на пепле...

– Ну и черная была бы постель! – шутливо отозвался Генри, чтобы придать разговору более веселый характер. – Ух, и страшные бы я видел сны, если бы пришлось так спать!

– И я тоже, – добавила сестра, выглядывая из-за занавесок и всматриваясь в даль. – Я уверена, что мне приснились бы Плутон⁸ и Прозерпина⁹ в аду.

– Хи-хи-хи! – склабился черный кучер, числившийся в книгах плантации как Плутон Пойндекстер. – Мисса Луи увидит меня во сне на этой черной прерии! Вот чудно так чудно! Хи-хи-хи!

– Слишком рано вы начали смеяться, – раздался мрачный голос капитана, подъехавшего во время этого разговора. – Смотрите, как бы вам и в самом деле не пришлось ночевать в этой черной прерии! Хорошо, если не случится еще чего-нибудь похуже.

– Что ты хочешь этим сказать, Каш? – спросил плантатор.

– Я хочу сказать, дядя, что этот молодчик обманул нас. Я не могу еще этого утверждать, но похоже, что дело скверно. Мы проехали уже больше пяти миль... около шести, должно быть, а где же кипарис, о котором он говорил? Кажется, у меня зрение не хуже, чем у других, но, как я ни всматривался в даль, я не обнаружил никакого дерева.

– Но зачем же ему обманывать нас?

– Ах, «зачем»! В том-то и дело, что у него может быть для этого немало причин.

– Назови нам хотя бы одну из них, – раздался серебристый голос из кареты, – мы с интересом послушаем.

– Еще бы: ты будешь слушать с особым интересом все, что касается этого субъекта, – иронически ответил Колхаун, – а если я выскажу свои соображения, ты со свойственной тебе снисходительностью назовешь это ложной тревогой!

– Это будет зависеть от того, что ты скажешь, мастер Кассий. Мне кажется, что тебе следует испытать нас. Не можем же мы думать, что ты, военный и такой опытный путешественник, поддался ложной тревоге!

Колхаун понял злую насмешку и, вероятно, воздержался бы от дальнейших объяснений, если бы на этом не настоял Пойндекстер.

– Послушай, Кассий, объясни же, в чем дело? – серьезно спросил плантатор. – То, что ты нам сказал, вызывает больше чем простое любопытство. Какую цель мог преследовать этот молодой человек, давая нам ложные указания?

– Ну что же, дядя, – сказал Колхаун не столь заносчиво, как раньше, – я ведь не утверждаю этого, я только высказываю свое предположение.

– Какое же?

⁸ *Плутон* – в древнегреческой мифологии бог ада.

⁹ *Прозерпина* – богиня ада.

– Ну, мало ли что может случиться! В этих прериях нередко нападают на караваны – и не только на такие, как наш, но и на караваны посильнее нашего, – грабят и убивают.

– Упаси боже! – с притворным испугом воскликнула Луиза.

– Индейцы? – сказал Пойндекстер.

– Иногда бывает, что и индейцы, но часто за индейцев выдают себя белые, и не только мексиканцы. Для этого нужно лишь немного коричневой краски, парик из лошадиного хвоста, несколько перьев для головного убора и побольше наглости. Если нас ограбит банда «белых индейцев» – а это не раз случалось, – то винить нам будет некого, кроме самих себя: мы будем лишь наказаны за наивную доверчивость к первому встречному.

– Боже мой, Кассий! Ведь это серьезное обвинение. Неужели ты хочешь сказать, что этот курьер – если он действительно курьер – заманивает нас в западню?

– Нет, дядя, я этого не говорю. Я только говорю, что такие вещи бывали; возможно, он нас и заманивает...

– Возможно, но маловероятно, – раздался из кареты голос, полный язвительной насмешки.

– Нет, – воскликнул Генри, хотя он и ехал немного впереди, но слышал весь разговор, – твои подозрения несправедливы, Кассий! Это клевета. И я могу это тебе доказать. Посмотри-ка сюда.

Юноша сдержал лошадь, указывая на предмет у края тропы, который он перед этим внимательно рассматривал. Это был колоннообразный кактус; его зеленый, сочный ствол уцелел от огня.

Но Генри Пойндекстер обращал внимание своих спутников не на самое растение, а на небольшую белую карточку, наколотую на один из его шипов. Тот, кто знаком с обычаями цивилизованного общества, сразу узнал бы, что это визитная карточка.

– Посмотрим, что там написано, – сказал юноша, подъезжая ближе; он прочитал вслух: – «Кипарис виден».

– Где? – спросил Пойндекстер.

– Здесь нарисована рука, – ответил Генри. – Нет сомнения, что палец указывает на кипарис.

Все стали смотреть в направлении, обозначенном на карточке.

Если бы светило солнце, кипарис можно было бы увидеть с первого же взгляда. Но, еще недавно синее, небо теперь стало свинцово-серым, и, сколько путешественники ни напрягали зрение, на горизонте нельзя было разглядеть ничего, напоминающего верхушку дерева.

– Ничего там нет, – уверенным тоном заявил Колхаун. – Я убежден, что это лишь новая хитрость этого бродяги.

– Ты ошибаешься, – ответил голос, который так часто противоречил Кассию. – Посмотри в бинокль. Если тебе не изменило твое превосходное зрение, ты увидишь на горизонте что-то очень похожее на дерево, на высокое дерево – наверно, это кипарис. Ведь я никогда не видела кипариса на болотах Луизианы.

Колхаун не захотел взять бинокль из рук кузины – он знал, что Луиза говорит правду, и ему не надо было лишних доказательств.

Тогда Пойндекстер взял бинокль, наладил его по своим близоруким глазам и отчетливо увидел кипарис, возвышавшийся над прерией.

– Правильно, – сказал он, – кипарис виден. Незнакомец оказался честным человеком. Ты был к нему несправедлив, Каш. Мне не верилось, чтобы он мог сыграть над нами такую злую шутку... Слушайте, мистер Сансом! Отдайте распоряжение возницам – надо двигаться дальше.

Колхаун злобно прищпорил лошадь и поскакал по прерии; ему больше не хотелось ни разговаривать, ни оставаться в обществе своих спутников.

– Дай мне посмотреть на эту карточку, Генри, – тихо сказала Луиза. – Мне хочется увидеть стрелку, которая так помогла нам. Сними ее оттуда – незачем оставлять ее на кактусе, раз мы увидели дерево.

Генри исполнил просьбу сестры, ни на минуту не задумавшись над ее тайным смыслом.

Он снял карточку с кактуса и бросил ее на колени Луизе.

– Морис Джеральд! – прошептала креолка, увидя на обратной стороне имя. – Морис Джеральд! – повторила она взволнованно, пряча карточку на груди. – Кто бы ты ни был, откуда бы ты ни пришел, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал, с этих пор у нас одна судьба! Я чувствую это – я знаю это так же ясно, как вижу небо над собой! О, какое грозное небо! Не будет ли такой же моя неизвестная судьба?

Глава IV

Черный норд

Словно зачарованная сидела Луиза во власти своих грез. Она сжимала виски тонкими пальцами, и, казалось, все силы ее души были устремлены на то, чтобы понять прошлое и проникнуть в будущее.

Однако ее мечты скоро были прерваны. Она услышала возгласы, в которых слышалась тревога.

Луиза узнала обеспокоенный голос брата:

– Посмотри, отец! Разве ты их не видишь?

– Где, Генри, где?

– Там, позади фургонов... Теперь ты видишь?

– Да, я что-то вижу, но я не могу понять, что это такое. Они выглядят, как... – Пойндекстер на минуту остановился озадаченный. – Я, право, не понимаю, что это такое...

– Водяные смерчи? – подсказал Колхаун, который, увидев странное явление, снизошел до того, чтобы присоединиться к компании, собравшейся около кареты. – Но этого не может быть – мы слишком далеко от моря. Я никогда не слыхал, чтобы они появлялись в прерии.

– Что бы это ни было, но они движутся, – сказал Генри. – Смотрите! Они приближаются друг к другу и снова расходятся. Если бы не это, можно было бы принять их за огромныеobelisks из черного мрамора.

– Великаны или черти! – смеясь, заметил Колхаун. – Сказочные чудовища, которым вздумалось прогуляться по этой жуткой прерии.

Капитан в отставке с трудом заставлял себя шутить. Как и всех остальных, его угнетало тяжелое предчувствие.

И неудивительно.

С северной стороны над прерией внезапно появилось несколько совершенно черных колонн. Они не имели определенной формы и беспрестанно изменялись в величине и очертаниях; то они стояли неподвижно, то скользили по обугленной земле, как великаны на коньках, изгибаясь и наклоняясь друг к другу, словно в фантастических фигурах какого-то странного танца. Представьте себе легендарных титанов, которые ожили на прерии Техаса и плясали в неистовой вакханалии.

Было вполне естественно, что путешественников охватила тревога, когда они заметили это невиданное явление, никому из них не известное. Все были уверены, что надвигается стихийное бедствие.

При первом же появлении этих загадочных фигур обоз остановился; негры-пешеходы, так же как и возницы, вскрикнули от ужаса; лошади заржали, дрожа от страха; мулы пронзительно заревели.

Со стороны черных башен доносился какой-то гул, похожий на шум водопада, по временам прерывающийся треском как бы ружейного выстрела или раскатом отдаленного грома.

Шум нарастал, становился более отчетливым. Неведомая опасность приближалась.

Путешественники остоленели от ужаса, и Колхаун не составил исключения – он уже больше не пытался шутить. Все взоры обратились на свинцовые тучи, заволакивающие небо, и на черные громады, которые приближались, казалось, для того, чтобы раздавить путников.

В эту гнетущую минуту вдруг раздался крик с противоположной стороны, и хотя в нем слышалась тревога, он все же нес успокоение.

Обернувшись, путники увидели всадника, мчащегося к ним во весь опор.

Лошадь была черная, как сажа, такого же цвета был и всадник, не исключая лица. Но, несмотря на это, его узнали: это был тот самый незнакомец, по следу которого они ехали.

Девушка в карете первая узнала его.

– Вперед! – воскликнул незнакомец, приблизившись к каравану. – Вперед, вперед! Как можно скорее...

– Что это такое? – растерянно спросил плантатор, охваченный страхом. – Нам грозит опасность?

– Да. Я не ждал этого, когда оставил вас. Только достигнув реки, я увидел грозные признаки.

– Чего, сэр?

– Норда.

– Вы так называете бурю?

– Да.

– Я никогда не слышал, что норд может быть опасен – разве только кораблям на море, – вмешался Колхаун. – Я, конечно, знаю, что он несет с собою пронизывающий холод, но...

– Не только холод, сэр. Он принесет кое-что похуже, если вы не поспешите укрыться от него... Мистер Пойндекстер, – обратился всадник к плантатору нетерпеливо и настойчиво, – вы и все ваши люди в опасности. Норд не всегда бывает страшен, но этот... Взгляните! Вы видите эти черные смерчи?

– Мы смотрим на них и не можем понять, что это такое...

– Это вестники бури, и сами по себе они не опасны. Но посмотрите вон туда... Видите ли вы эту черную тучу, заволакивающую небо?... Вот чего вам надо бояться! Я не хочу пугать вас, но должен сказать, что она несет с собой смерть. Она движется сюда. Спасение только в быстроте. Поторопитесь, а то будет поздно. Через десять минут она будет здесь – и тогда... Скорее, сэр, умоляю вас! Прикажите вашим возницам погонять изо всех сил. Само небо велит вам!

Подчиняясь этим настойчивым требованиям, плантатор отдал распоряжение двигаться и гнать обоз с предельной скоростью.

Ужас, который обуял как животных, так и возниц, сделал излишним вмешательство кнутов.

Карета и всадники по-прежнему ехали впереди. Незнакомец держался позади, как бы охраняя караван.

Время от времени он натягивал поводья, оглядывался и каждый раз проявлял все большую тревогу.

Заметив это, плантатор подъехал к нему и спросил:

– Опасность еще не миновала?

– К сожалению, не могу вам сказать ничего утешительного. Я рассчитывал, что ветер переменит направление.

– Ветер? Я не замечая никакого ветра.

– Не здесь. Вон там страшный ураган, и он несется прямо к нам... Боже мой, он приближается с невероятной быстротой! Вряд ли мы успеем пересечь выжженную прерию...

– Что же делать? – воскликнул плантатор в ужасе.

– Нельзя ли заставить ваших мулов бежать еще быстрее?

– Нет, они и так уже выбиваются из сил.

– В таком случае, я боюсь, что ураган настигнет нас...

Высказав это мрачное предположение, всадник обернулся еще раз и посмотрел на черные смерчи, как бы определяя скорость их движения.

Складки, которые обозначились вокруг его рта, выдали что-то более серьезное, чем недовольство.

– Да, уже поздно! – воскликнул он, вдруг прервав свои наблюдения. – Они движутся быстрее нас, гораздо быстрее... Нет надежды уйти от них!

– Боже мой, сэр! Разве опасность так велика? Неужели мы не можем ничего сделать, чтобы избежать ее? – спросил плантатор.

Незнакомец ответил не сразу. Несколько мгновений он молчал, как будто о чем-то напряженно думая, – он уже больше не смотрел на небо, взгляд его блуждал по фургонам.

– Неужели же нет никакой надежды? – повторил плантатор.

– Нет, есть! – радостно ответил всадник; казалось, какая-то счастливая мысль озарила его – Надежда есть. Я не подумал об этом раньше. Нам не удастся уйти от бури, но избежать опасности мы можем. Быстрее, мистер Пойндекстер! Отдайте распоряжение вашим людям окутать головы лошадей и мулов, иначе животные будут ослеплены и взбесятся. Одежда, платки – все годится. Когда это будет сделано, пусть все забираются в фургоны. Нужно только, чтобы навесы были плотно закрыты со всех сторон. О карете я позабочусь сам.

Сделав эти указания, всадник поскакал вперед, в то время как Пойндекстер с надсмотрщиком отдавали необходимые распоряжения возницам.

– Сударыня, – подъезжая к карете, сказал всадник со всей любезностью, какую позволяли обстоятельства, – вы должны задернуть все занавески. Ваш кучер пусть войдет в карету... И вы также, господа, – сказал он, обращаясь к Генри, Колхауну и только что подъехавшему Пойндекстеру. – Места всем хватит. Только скорее, умоляю вас! Не теряйте времени. Через несколько минут буря разразится над нами.

– А вы, сэр? – с искренней озабоченностью спросил плантатор человека, который столько сделал, чтобы избавить их от грозящей беды. – Как же вы?

– Обо мне не беспокойтесь: я знаю, что надвигается. Не впервые я встречаюсь с этим... Прячьтесь, прячьтесь, умоляю вас! Нельзя терять ни секунды. Вы слышите завывание? Скорее, пока на нас не налетела пылевая туча!

Плантатор и Генри быстро соскочили с лошадей и вошли в карету. Колхаун упрямо продолжал сидеть в седле. Почему он должен бояться какой-то воображаемой опасности, от которой не прячется этот человек в мексиканском костюме?

Незнакомец велел надсмотрщику залезть в ближайший фургон, чему тот беспрекословно повиновался. Теперь можно было подумать и о себе.

Молодой человек быстро развернул свое серапе – оно было прикреплено к седлу, – набросил его на голову лошади, обмотал концы вокруг ее шеи и завязал узлом. С не меньшей ловкостью он развязал свой шарф из китайского шелка и обтянул его вокруг шляпы, заткнув один конец за ленту, а другой спустив вниз, – таким образом, получилось нечто вроде шелкового забрала.

Прежде чем совсем закрыть лицо, он еще раз обернулся к карете и, к своему удивлению, увидел, что Колхаун все еще сидит верхом на лошади. Поборов в себе невольную антипатию к этому человеку, незнакомец настойчиво сказал:

– Спрячьтесь же, сэр, умоляю вас! Иначе через десять минут вас не будет в живых.

Колхаун повиновался: признаки надвигающейся бури были слишком очевидны; с показной медлительностью он слез с седла и забрался в карету, под защиту плотно задернутых занавесок.

То, что произошло дальше, с трудом поддается описанию. Никто не видел зрелища разыгравшейся стихии, так как никто не смел взглянуть на него. Но если бы кто-нибудь и осмелился, он все равно ничего не увидел бы. Через пять минут после того, как были обвязаны головы мулов, караван окутала крошечная тьма.

Путешественники видели лишь самое начало урагана. Один из надвигавшихся смерчей, натолкнувшись на фургон, рассыпался густой черной пылью – казалось, что с неба пошел пороховой дождь. Но это было лишь начало.

Ненадолго показался просвет, и путников обдало горячим воздухом, словно из жерла домны. Затем со свистом и воем подул порывистый ветер, неся леденящий холод; завывания его были так оглушительны, что казалось, все трубы Эола¹⁰ возвещают о появлении Короля Бурь.

Через мгновение норд настиг караван, и путешественники, остановившиеся на субтропической равнине, попали в мороз, подобный тому, который сковывает ледяные горы на Ледовитом океане.

Все окутал мрак, ничего не было слышно, кроме свиста ветра и его глухого рева, когда он налетал на навесы фургонов.

Мулы, инстинктивно повернувшись к нему задом, стояли притихшие. Голоса людей, взволнованно разговаривавших в карете и фургонах, заглушались воем урагана.

Все щели были закрыты, потому что стоило только высунуться из-за полотняного навеса, как можно было задохнуться. Воздух был весь насыщен пеплом, поднятым бушующим ветром с выжженной прерии и превращенным в мельчайшую смертоносную пыль.

Больше часа носились в воздухе черные облака пепла; все это время путешественники просидели, не смея выглянуть наружу.

Наконец около самых занавесок кареты раздался голос незнакомца.

– Теперь можно выйти, – сказал он, отбрасывая шелковый шарф со своего лица. – Буря не прекратилась, она будет длиться до конца вашего путешествия и еще дня три. Но бояться больше нечего. Пепел весь сметен. Он пронесся вперед, и вряд ли вы настигнете его по эту сторону Рио-Гранде.

– Сэр, – сказал плантатор, поспешно спускаясь по ступенькам кареты, – мы вам обязаны...

– ...жизнью! – воскликнул Генри, найдя нужное слово. – Я надеюсь, сэр, что вы окажете нам честь назвать свое имя.

– Морис Джеральд, – ответил незнакомец. – Хотя в форту меня обычно называют Морисом-мустангером¹¹.

– Мустангер! – презрительно пробормотал Колхаун, но настолько тихо, что услышать его могла только Луиза.

«Всего лишь мустангер», – разочарованно подумал про себя аристократ Пойндекстер.

– Теперь я вам больше не нужен. Дорогу вы найдете без меня и моего лассо, – сказал охотник за дикими лошадьми. – Кипарис виден, держите прямо на него. Перейдя реку, вы увидите флаг, развевающийся над фортом. Вы успеете закончить путешествие до наступления темноты. Я же спешу и должен распрощаться с вами.

Если мы вообразим себе сатану верхом на адском коне, то довольно точно представим себе Мориса-мустангера, когда он во второй раз покидал плантатора и его спутников.

Однако ни запачканное пеплом лицо, ни скромная профессия не могли уронить мустангера в глазах Луизы Пойндекстер – он уже завоевал ее сердце.

Когда Луиза услышала его имя, она прижала карточку к груди и в задумчивости прошептала так тихо, что никто, кроме нее самой, не мог услышать:

– Морис-мустангер, ты покоришь сердце креолки! Боже мой, боже мой! Он слишком похож на Люцифера¹², могу ли я презирать его!

¹⁰ Эол – в древнегреческой мифологии бог ветра.

¹¹ *Мустангер* – охотник за дикими лошадьми, мустангами.

¹² *Люцифер* – по преданию, ангел, восставший против бога и низвергнутый в ад.

Глава V

Жилище охотника за мустангами

Там, где Рио-де-Нуэсес (Ореховая река) собирает свои воды из сотни речек и ручейков, испещряющих карту, словно ветви большого дерева, лежат удивительно живописные места. Это холмистая прерия, по которой разбросаны дубовые и ореховые рощи, то здесь, то там вдоль берегов сливающиеся в сплошные зеленые массивы леса.

Местами этот лес сменяется густыми зарослями, где среди всевозможных видов акации растет копайский бальзам, креозотовый кустарник, дикое алоэ; там же встречаются экзотическое растение цереус, всевозможные кактусы и древовидная юкка.

Эти колючие растения не радуют земледельца, потому что они обычно растут на тощей земле; зато для ботаника и любителя природы здесь много привлекательного – особенно когда цереус раскрывает свои огромные, словно восковые, цветы или же фукиера, высоко поднявшись над кустарником, выбрасывает, словно развернутый флаг, свое великолепное алое соцветие.

Но есть там и плодородные места, где на известково-черноземной почве растут высокие деревья с пышной листвой: индейское мыльное дерево, ореховое дерево, вязы, дубы нескольких видов, кое-где встречаются кипарисы и тополя; этот лес переливается всеми оттенками зелени, и его по справедливости можно назвать прекрасным.

Ручьи в этих местах кристально-чисты – они отражают сапфировую синеву неба. Облака почти никогда не заслоняют солнце, луну и звезды. Здесь не знают болезней – ни одна эпидемия не проникла в эти благословенные места.

Но цивилизованный человек еще не поселился здесь, и по-прежнему лишь одни краснокожие команчи¹³ пробиваются по запутанным лесным тропам, и то лишь когда верхом на лошадях они отправляются в набег на поселения Нижней Нуэсес, или Леоны. Неудивительно, что дикие звери избрали эти глухие места своим пристанищем. Нигде во всем Техасе вы не встретите столько оленей и пугливых антилоп, как здесь. Кролики все время мелькают перед вами; немного реже попадаются на глаза дикие свиньи, хорьки, суслики.

Красивые пестрые птицы оживляют ландшафт. Перепела, шурша крыльями, взвиваются к небу; королевский гриф парит в воздухе; дикий индюк огромных размеров греет на солнце свою блестящую грудь у опушки ореховой рощи; а среди перистых акаций мелькает длинный, похожий на ножницы хвост птицы-портнихи, которую местные охотники называют «райской птицей».

Великолепные бабочки то порхают в воздухе, широко расправив крылья, то отдыхают на цветке и тогда кажутся его лепестками. Огромные бархатистые пчелы жужжат среди цветущих кустарников, оспаривая право на сладкий сок у колибри, которым они почти не уступают в величине.

Однако не все обитатели этих прекрасных мест безвредны. Нигде во всей Северной Америке гремучая змея не достигает таких размеров, как здесь; она прячется среди густой травы вместе с еще более опасной мокасиновой змеей. Здесь жалят ядовитые тарантулы, кусают скорпионы; а многоножке достаточно проползти по коже, чтобы вызвать лихорадку, которая может привести к роковому концу.

По лесистым берегам рек бродят пятнистый оцелот, пума¹⁴ и их могучий родич – ягуар; именно здесь проходит северная граница его распространения.

¹³ *Команчи* – индейское племя.

¹⁴ *Оцелот* и *пума* (кугуар) – хищники из семейства кошачьих.

По опушкам лесных зарослей скрывается тощий техасский волк, одинокий и молчаливый, а его сородич, трусливый койот, рыщет на открытой равнине с целой стаей своих собратьев.

В этой же прерии, где рыщут такие свирепые хищники, на ее сочных пастбищах пасется самое благородное и прекрасное из всех животных, самый умный из всех четвероногих друзей человека – лошадь.

Здесь живет она, дикая и свободная, не знающая капризов человека, незнакомая с уздой и удилами, с седлом и вьюком.

Но даже в этих заповедных местах ее не оставляют в покое.

Человек охотится за ней и укрощает ее. Здесь была поймана и приручена прекрасная дикая лошадь. Она попала в руки молодому охотнику за лошадьми Морису-мустангеру.

* * *

На берегу Аламо, кристально-чистого притока Рио-де-Нуэсес, стояло скромное, но живописное жилище, одно из тех, каких много в Техасе.

Это была хижина, построенная из расщепленных пополам стволов древовидной юкки, вбитых стоймя в землю, с крышей из штыковидных листьев этой же гигантской лилии.

Щели между жердями, вопреки обычаям западного Техаса, были не замазаны глиной, а завешаны с внутренней стороны хижины лошадиными шкурами, которые были прибиты не железными гвоздями, а шипами мексиканского столетника.

Окаймлявшие речную долину обрывы изобиловали растительностью, послужившей строительным материалом для хижины, – юккой, агавой и другими неприхотливыми растениями; а внизу плодородная долина на много миль была покрыта прекрасным лесом, где росли тутовые, ореховые деревья и дубы. Лесная полоса, собственно, ограничивалась долиной реки; вершины деревьев едва достигали верхнего края обрыва.

В массив леса со стороны реки местами вдавались небольшие луга, или саванны, поросшие сочной травой, известной у мексиканцев под названием «грама».

На одной из таких полукруглых полянок – у самой реки – приютилось описанное нами незамысловатое жилище; стволы деревьев напоминали колонны, поддерживающие крышу лесного театра.

Хижина стояла в тени, спрятанная среди деревьев. Казалось, это укромное место было выбрано не случайно. Ее можно было видеть только со стороны реки, и то лишь в том случае, если встать прямо против нее. Примитивная простота постройки и поблекшие краски делали ее еще более незаметной.

Домик был величиной с большую палатку. Кроме двери, в нем не было других отверстий, если не считать трубы небольшого очага, сложенного у одной из стен. Деревянная рама двери была обтянута лошадиной шкурой и навешена при помощи петель, сделанных из такой же шкуры.

Позади хижины находился навес, подпертый шестью столбами и покрытый листьями юкки; он был обнесен небольшой изгородью из поперечных жердей, привязанных к стволам соседних деревьев.

Такой же изгородью был обнесен участок леса около акра величиной, расположенный между хижинкой и отвесным берегом реки. Земля там была изрыта и испещрена множеством отпечатков копыт и местами совершенно утоптана; нетрудно было догадаться, что это кораль – загон для диких лошадей – мустангов.

Действительно, внутри этого загона находилось около десятка лошадей. Их дикие, испуганные глаза и порывистые движения не оставляли сомнения в том, что они только недавно пойманы и что им нелегко переносить неволю.

Убранство хижины не лишено было некоторого уюта и комфорта. Стены украшал сплошной ковер из мягких блестящих шкур мустангов. Шкуры – черные, гnedые, пегие и белоснежные – радовали глаз: видно было, что их подобрал человек со вкусом.

Мебель была чрезвычайно проста: кровать – козлы, обтянутые лошадиной шкурой, два самодельных табурета – уменьшенная разновидность того же образца, и простой стол, сколоченный из горбылей юкки, – вот и вся обстановка. В углу виднелось что-то вроде второй постели – она была сооружена из тех же неизбежных лошадиных шкур.

Совершенно неожиданными в этой скромной хижине были полка с книгами, перо, чернила, почтовая бумага и газеты на столе.

Здесь были еще другие вещи, не только напоминавшие о цивилизации, но говорившие даже об утонченном вкусе: прекрасный кожаный сундучок, двустольное ружье, серебряный кубок чеканной работы, охотничий рог и серебряный свисток.

На полу стояло несколько предметов кухонной утвари, преимущественно жестяных; в углу – большая бутылка в ивовой плетенке, содержащая, по-видимому, напиток более крепкий, чем вода из Аламо.

Остальные вещи здесь более уместны: мексиканское, с высокой лукой, седло, уздечка с оголовьем из плетеного конского волоса, такие же поводья, два или три серапе, несколько мотков сыромятного ремня.

Таково было жилище мустангера, такова была его обстановка.

На одном из табуретов посреди комнаты сидел человек, который никак не мог быть самим мустангером. Он совсем не был похож на хозяина. Наоборот, по всей его внешности – по выражению привычной покорности – можно было безошибочно сказать, что это слуга.

Однако он вовсе не был плохо одет и не производил впечатления человека голодного или вообще обездоленного. Это был толстяк с копной рыжих волос и с красным лицом; на нем был костюм из грубой ткани – наполовину плисовый, наполовину вельветовый. Из плиса были сшиты его штаны и гетры; а из вельвета, когда-то бутылочно-зеленого цвета, но уже давно выцветшего и теперь почти коричневого, – охотничья куртка с большими карманами на груди. Фетровая шляпа с широкими опущенными полями довершала костюм этого человека, если не упомянуть о грубой коленкоровой рубашке с небрежно завязанным вокруг шеи красным платком и об ирландских башмаках.

Не только ирландские башмаки и плисовые штаны выдавали его национальность. Его губы, нос, глаза, вся его внешность и манеры говорили о том, что он ирландец.

Если бы у кого-нибудь и возникло сомнение, то оно сразу рассеялось бы, стоило толстяку открыть рот, чтобы начать говорить – что он и делал время от времени, – с таким произношением говорят только в графстве Голуэй. Можно было подумать, что ирландец разговаривает сам с собой, так как в хижине, кроме него, как будто никого не было. Однако это было не так. На подстилке из лошадиной шкуры перед тлеющим очагом, уткнувшись носом в золу, лежала большая собака. Казалось, она понимала язык своего собеседника. Во всяком случае, человек обращался к ней, как будто ждал, что она поймет каждое слово.

– Что, Тара, сокровище мое, – воскликнул человек в плисовых штанах, – хочешь назад в Баллибаллах? Небось рада бы побегать во дворе замка по чистым плитам! И подкормили бы тебя там как полагается, а то, глянь-ка, кожа да кости – все ребра пересчитаешь. Дружок ты мой, мне и самому туда хочется! Но кто знает, когда молодой хозяин решит вернуться в родные места! Ну ничего, Тара! Он скоро поедет в поселок, старый ты мой пес, обещал и нас захватить – и то ладно. Черт побери! Вот уже три месяца, как я не был в форту. Может, там я и встречу какого-нибудь дружка среди ирландских солдат, которых сюда на днях прислали. Ну уж и выпьем тогда! Верно, Тара?

Услышав свое имя, собака подняла голову и фыркнула в ответ.

– Да и теперь бы неплохо промочить горло, – продолжал ирландец, бросая жадный взгляд в сторону бутылки. – Только бутылка-то ведь уже почти пустая, и молодой хозяин может хватиться. Да и нечестно пить не спросясь. Правда, Тара?

Собака опять подняла морду над золой и опять фыркнула.

– Ведь ты в прошлый раз сказала «да»? И теперь говоришь то же самое? А, Тара?

Собака снова издала тот же звук, который мог быть вызван либо небольшой простудой, либо пеплом, который попадал ей в ноздри.

– Опять «да»? Так и есть! Вот что эта немая тварь хочет сказать! Не соблазняя меня, старый воришка! Нет-нет, ни капли виски. Я только выну пробку из бутылки и понюхаю. Наверняка хозяин ничего не узнает; а если бы даже и узнал – он не рассердится. Только понюхать – это ведь не беда.

С этими словами ирландец встал и направился в угол, где стояла бутылка.

Несмотря на все заверения, в его движениях было что-то вороватое – то ли он сомневался в своей честности, то ли сомневался, хватит ли у него силы воли противостоять соблазну.

Он постоял немного, прислушиваясь, обернувшись к двери; потом поднял соблазнявший его сосуд, вытащил пробку и поднес горлышко к носу.

Несколько секунд он оставался в этой позе; среди тишины только время от времени раздавалось фыркание, подобное тому, которое издавала собака и которое ирландец истолковывал как утвердительный ответ на свои сомнения. Этот звук выражал удовольствие от ароматного крепкого напитка.

Однако это успокоило его лишь на короткое время; постепенно дно бутылки поднималось все выше, а горлышко с той же скоростью опускалось прямо к вытянутым губам.

– Черт побери! – воскликнул ирландец еще раз, взглянув ukradкой на дверь. – Плоть и кровь не устоят против запаха этого чудесного виски – как не попробовать его! Куда ни шло! Я только одну каплю, лишь бы смочить кончик языка. Может быть, обожгу язык... ну да ладно.

И горлышко бутылки пришло в соприкосновение с губами; но, очевидно, дело шло не о «капле, чтобы смочить кончик языка», – слышалось бульканье убывающей жидкости, говорившее о том, что ирландец, видно, решил промочить как следует всю гортань и даже больше.

Чмокнув с удовлетворением несколько раз, он заткнул бутылку пробкой, поставил ее на место и снова уселся на свой стул.

– Ах ты, старая плутовка, Тара! Это ты ввела меня в искушение. Ну ничего, хозяин не узнает. Все равно он скоро поедет в форт и сможет сделать новый запас.

Несколько минут ирландец сидел молча. Думал ли он о своем проступке или просто наслаждался действием алкоголя – кто знает?

Вскоре он опять заговорил:

– И что это мастера Мориса так тянет в поселок? Он сказал, что отправится туда, как только поймает крапчатого мустанга. И на что ему вдруг так понадобилась эта лошадка? Это неспроста. Хозяин уже три раза охотился за ней и не смог набросить веревку на шею этой дикой твари, – а ведь сам-то был на гнедом, вот как! Он говорит, что разобьется в лепешку, а все-таки поймает ее, ей-богу! Скорее бы уж, а то как бы не пришлось нам с тобой проторчать здесь до того самого утра, когда начнется Страшный суд... Шш! Кто там?

Это восклицание вырвалось у ирландца потому, что Тара соскочила со своей подстилки и с лаем бросилась к двери.

– Фелим! – раздался голос снаружи. – Фелим!

– Вот и хозяин, – пробормотал Фелим, вскакивая со стула и направляясь следом за собакой к выходу.

Глава VI

Крапчатый мустанг

Фелим не ошибся: это был голос его хозяина, Мориса Джеральда.

Выйдя за дверь, слуга увидел приближающегося мустангера. Как и следовало ожидать, он возвращался домой верхом на своей лошади; но теперь гнедой, весь мокрый от пота, казался почти черным, бока и шея у него были взмылены.

Гнедой был не один. На туго натянутом, привязанном к седельной луке лассо он вел за собой товарища – вернее, пленника. Кожаный ремень, туго обхватывавший челюсть пойманного мустанга, придерживался другим, прикрепленным к нему ремнем, который был переброшен через голову на шею, непосредственно за ушами животного.

Это был мустанг совершенно необычайной окраски. Даже среди огромных табунов, пасущихся в прериях, где встречаются лошади самых неожиданных мастей, такая масть была редкой. Лошадь была темно-шоколадного цвета с белыми пятнами, разбросанными так же равномерно, как темные пятна на шкуре ягуара. Оригинальная окраска лошади сочеталась с безупречным сложением. Она была широкогрудая, с крутыми боками, стройными тонкими ногами и головой, которая могла бы служить образцом лошадиной красоты; крупная для мустанга, она была гораздо меньше обыкновенной английской лошади, даже меньше гнедого – тоже мустанга, который помог захватить ее в плен.

Красавица лошадь была кобылой; она принадлежала к табуну, который любил пастись у истоков Аламо, где мустангер три раза безуспешно преследовал ее. Только на четвертый раз Морису посчастливилось. Чем вызвано неудержимое желание поймать именно эту лошадь, оставалось тайной мустангера.

Фелим еще ни разу не видел своего хозяина таким довольным – даже когда Морис возвращался с охоты, как это часто бывало, с пятью или шестью пойманными мустангами.

И никогда еще Фелим не видел такой красивой пленницы, как крапчатая кобыла. Ею залюбовался бы и не такой знаток лошадиной красоты, как бывший грум замка Баллах.

– Гип-гип, ура! – закричал Фелим, как только увидел пленницу, и подбросил вверх свою шляпу. – Слава пресвятой деве и святому Патрику¹⁵, мастер Морис поймал наконец крапчатую! Это кобыла, черт возьми! Ну и лошадка!.. Не диво, что вы так гонялись за ней. Ей-богу! У нас на ярмарке в Баллиносло мы могли бы заломить за нее любую цену, и ее бы у нас все равно с руками оторвали. Ну и лошадка!.. Куда же мы ее поставим? В кораль со всеми?

– Нет, там ее могут залягать. Привяжем лучше под навесом. Кастро, как гостеприимный хозяин, уступит ей свое место, а сам проведет ночь под открытым небом. Видел ли ты, Фелим, когда-нибудь такую красавицу... я хотел сказать – такую красивую лошадь?

– Никогда, мастер Морис, никогда в жизни! А я видел много породистых лошадок в Баллибаллахе. У, прелесть, так бы и съел ее! Только у нее такой вид, что она сама, того и гляди, кого-нибудь съест. Вы ее еще совсем не объезжали?

– Нет, Фелим, я займусь ею, когда у меня будет побольше времени. Это надо сделать как следует. Ведь страшно испортить такое совершенство. Я начну объезжать ее, когда отведу в поселок.

– А когда вы туда собираетесь?

– Завтра. Мы должны выехать на заре, чтобы к вечеру добраться до форта.

– Вот это хорошо! Я рад не за себя, а за вас, мастер Морис. Известно ли вам, что у нас виски уже на исходе? Об этом можно судить по тому, как оно в бутылки бултыхается. Эти плуты

¹⁵ Святой Патрик считался покровителем Ирландии.

в форте здорово надувают: они и разбавляют, и недоливают. Галлон английского виски мы пили бы раза в три больше, чем эту американскую «дрянь», как сами янки ее окрестили.

– Насчет виски не беспокойся, Фелим. Там ведь хватит и на сегодня, и чтобы наполнить наши фляги для завтрашнего путешествия. Не унывай, старый Баллибаллах! Пойдем-ка сперва устроим крапчатую лошадку, а потом у нас будет время поговорить о новом запасе целебного напитка, который, я знаю, ты любишь больше всего на свете.

– И вас, мастер Морис! – добавил Фелим, посмеиваясь.

Мустангер улыбнулся и соскочил с седла.

* * *

Крапчатую кобылу поставили под навес, а Кастро привязали к дереву. Фелим стал чистить его по всем правилам, которые приняты в прерии.

Утомленный до изнеможения, мустангер бросился на свою постель из лошадиной шкуры. Ни за одним мустангом ему не приходилось гоняться так долго, как за крапчатой кобылой. Чем была вызвана такая настойчивость, об этом не знал никто на свете – ни Фелим, ни Кастро, его верный конь, – никто, кроме него самого.

Несмотря на то что ему пришлось провести несколько дней в седле, из них три последних – в непрерывной погоне за крапчатой кобылой, несмотря на страшную усталость, мустангер не мог уснуть.

Время от времени он вставал и начинал ходить взад и вперед по хижине, как будто чем-то сильно взволнованный.

Уже несколько ночей он страдал от бессонницы, ворочаясь с боку на бок, так что не только его слуга Фелим, но даже собака Тара стала удивляться поведению хозяина.

Слуга мог бы подумать, что хозяин горит нетерпением поймать крапчатую кобылу, если бы он не знал, что лихорадочное беспокойство его господина началось раньше, чем он узнал о ее существовании.

Только несколько дней спустя после возвращения мустангера из форта крапчатая кобыла впервые попала ему на глаза, так что это не могло быть причиной перемены его настроения.

Казалось, удачная охота, вместо того чтобы успокоить его, вызвала обратное действие. Так, по крайней мере, думал Фелим. Наконец он решился, пользуясь правом молочного брата, спросить мустангера, что с ним случилось.

Когда тот снова стал ворочаться с боку на бок, раздался голос слуги:

– Мастер Морис, что с вами? Скажите мне, ради бога!

– Ничего, Фелим, ничего. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Да как же не спросить? Вы же ни на минуту не сомкнули глаз с того самого дня, как в последний раз вернулись из поселка. Что-то отняло там у вас сон. Неужто вы мечтаете об одной из этих мексиканских девушек – «мучаче», как их тут называют? Нет, я этому не поверю. Потомку древнего рода Джеральдов этак не годится.

– Глупости, дружок! Тебе всегда что-нибудь мерещится. Дай-ка лучше мне закусить. Не забывай, что я с утра ничего не ел. Что у тебя найдется в кладовой?

– Признаться, у нас запасы невелики. Ведь за те три дня, что вы ловили этого мустанга, ничего не прибавилось. Есть немного холодной оленины и кукурузного хлеба. Если желаете, я разогрею мяса в горшке.

– Хорошо, я могу подождать.

– А не легче ли вам будет ждать, если вы сначала смочите горло этим снадобьем?

– Что ж, я не прочь.

– Чистого или с водой?

– стакан грога. Только принеси холодной воды из ручья.

Фелим взял серебряный кубок и уже собрался было идти, как вдруг Тара с громким лаем бросилась к двери. Фелим с некоторой опаской направился к выходу.

Лай собаки сменился радостным повизгиванием, как будто она приветствовала старого друга.

– Это старый Зеб Стумп, – сказал Фелим, выглянув за дверь, и спокойно вышел. У него было два намерения: во-первых, приветствовать гостя и, во-вторых, выполнить приказание хозяина.

Человек, который появился у дверей хижины, был так же не похож ни на одного из ее обитателей, как и они друг на друга.

Ростом он был не меньше шести футов. На нем были сапоги из дубленой кожи аллигатора; в широкие голенища были заправлены штаны из домотканой шерсти, когда-то покрашенные в соке кизила, но теперь уже потерявшие от грязи свой цвет. Прямо на тело была надета рубашка из оленьей кожи, а поверх нее – выцветшая зеленая куртка, сшитая из байкового одеяла с вытертым ворсом. Сильно потрепанная порывевшая войлочная шляпа дополняла его скромный костюм.

Снаряжение Зеба Стумпа было обычным для лесных охотников Северной Америки. Сумка с пулями и большой, изогнутый серпом рог для пороха были подвешены с правой стороны на ремешке, перекинутом через плечо; куртка была перехвачена широким кожаным поясом; на нем висели кожаные ножны, из которых высовывалась грубая рукоятка большого охотничьего ножа, сделанная из оленьего рога.

В отличие от большинства техасских охотников, он никогда не носил ни мокасин, ни гетр, ни длинной рубахи из оленьей кожи, отороченной бахромой. На его скромной одежде не было вышивки, на охотничьем снаряжении – украшений. Все просто, почти невзрачно, как будто Зеб осуждал всякое франтовство.

Даже ружье – его верное оружие, главное орудие его ремесла – выглядело как длинный брусok железа, прикрепленный к неотполированной коричневой деревяшке. Когда хозяин ставил ружье на землю, то дуло доходило ему до плеча.

Охотнику, одежду и оружие которого мы только что описали, было на вид лет пятьдесят. Кожа у него была смуглая, а черты лица на первый взгляд казались суровыми.

Однако, приглядевшись, вы начинали чувствовать, что этот человек не лишен спокойного юмора. Лукавый огонек в его маленьких серых глазах говорил о том, что старый охотник ценит хорошую шутку и сам не прочь пошутить.

Фелим уже упомянул его имя: это был Зебулон Стумп, или Старый Зеб Стумп, как его называли в узком кругу знакомых. Когда его спрашивали, откуда он родом, он всегда отвечал: «Кентуккиец по рождению и воспитанию».

Зеб Стумп родился и вырос в штате Кентукки и провел свою молодость среди девственных лесов нижней Миссисипи, занимаясь исключительно охотой. Теперь, на склоне лет, он продолжал это же занятие, но уже в дебрях юго-западного Техаса.

Тара прыгала и всячески по-собачьи приветствовала старого охотника; сразу было видно, что Зеб Стумп и ее хозяин – приятели.

– Здорово! – лаконично сказал Зеб, загораживая дверь хижины своей могучей фигурой.

– Здравствуйте, мистер Стумп! – ответил мустангер, вставая навстречу гостю. – Заходите и садитесь.

Охотник не заставил себя просить – он перешагнул порог и, неуклюже повернувшись, уселся на неустойчивом табурете, на котором раньше сидел Фелим. Сиденье было таким низким, что колени Стумпа очутились почти на уровне его подбородка, а длинный ствол ружья, словно пика, возвышался на несколько футов над головой.

– Черт бы побрал эти табуретки, – заворчал он, явно недовольный таким положением, – да и вообще все стулья! На что лучше бревно: чувствуешь, по крайней мере, что оно под тобой не проломится.

– Садитесь сюда, – сказал хозяин, указывая на кожаный сундучок в углу. – Он понадежней.

Старый Зеб не заставил себя уговаривать, встал, выпрямился во весь рост и пересел на сундучок.

– Пешком, мистер Стумп, как всегда?

– Нет, со мной кляча; я привязал ее к дереву. Я не охотился.

– Вы, кажется, никогда не охотитесь верхом, не правда ли?

– Что я, дурак? Те, кто охотится верхом на лошади, круглые дураки.

– Но ведь в Техасе все так делают.

– Все или не все, но это дурацкий обычай, обычай ленивых дураков. На своих двоих я подстрелю больше дичи за один день, чем верхом за целую неделю. Конечно, для вас лошадь необходима, у вас дичь другая; но ежели выслеживать медведя, оленя или дикого индюка, то на лошади их всех распугаешь. Свою старую кобылу я держу только для того, чтобы перевозить на ней добычу.

– Вы говорите, она тут? Фелим поставит ее под навес. Ведь вы переночуете у нас?

– По правде сказать, я с этим намерением и приехал. О моей лошади не беспокойтесь: она хорошо привязана. Позже я ее пушу на пастбище.

– Не хотите ли закусить? Фелим как раз готовит ужин. К сожалению, ничего, кроме оленины, не могу вам предложить.

– Что может быть лучше хорошей оленины! Разве что медвежатина... Только эту дичь надо хорошенько поджаривать на горячих углях. Давайте я помогу стряпать... Мистер Фелим, сходите-ка к моей кляче и принесите индейку – она привязана к луке седла; я подстрелил ее по дороге.

– Чудесно! – воскликнул мустангер. – Наши запасы совсем истощились. Последние три дня я охотился за одним редкостным мустангом и не брал с собой ружья. Фелим и я, да и Тара тоже, совсем изголодались за это время.

– А что это за мустанг? – с интересом спросил охотник, не обращая никакого внимания на последнее замечание.

– Темно-шоколадная кобыла с белыми пятнами. Прекрасная лошадь!

– Черт побери, парень! Да ведь это как раз то дело, которое и привело меня сюда!

– Правда?

– Я видел этого мустанга. Кобыла, вы говорите? Этого я не знал, она ни разу не подпустила меня к себе ближе чем на полмили. Я видел ее несколько раз в прерии и решил, что вам стоит ее изловить. И вот почему. После того как мы с вами в последний раз виделись, я был на Леоне. Туда приехал один человек, которого я знал еще на Миссисипи. Это богатый плантатор; он жил на широкую ногу. Немало оленей и индюков поставлял я ему. Его зовут Пойндекстер.

– Пойндекстер?

– Да. Это имя знают все на берегах Миссисипи – от Орлеана до Сент-Луиса. Тогда он был богат; да и теперь, видно, не беден, так как привел с собой добрую сотню негров. Кроме того, с ним приехал племянник, по имени Колхаун, у которого водятся деньжата, и делать парню с ними нечего, разве что отдать своему дядюшке взаймы; и отдаст – правда, не без задней мысли: парень себе на уме. Теперь я скажу, что привело меня к вам. У этого плантатора есть дочка, большая охотница до лошадей. В Луизиане она ездила на самых бешеных, каких только можно было найти. Она услышала, как я рассказывал старику о крапчатом мустанге, и не давала отцу покоя, пока он не обещал ей, что не пожалеет денег за эту лошадь. Он сказал, что даст двести

долларов. Конечно, все здешние мустангеры, как только об этом узнают, сейчас же погонятся за лошадкой; и вот, не сказав никому ни слова, я поскакал сюда на своей старой кобыле. Поймайте крапчатую – и двести долларов будут у вас в кармане! Зеб Стумп ручается за это.

– Не пройдет ли вы со мной, мистер Стумп? – сказал молодой ирландец, вставая с табурета и направляясь к двери.

Охотник пошел за ним, несколько удивленный неожиданным приглашением.

Морис повел своего гостя к навесу и спросил:

– Похожа эта лошадь на того мустанга, о котором вы говорили, мистер Стумп?

– Провались я на месте, если это не он! Уже пойман! Тебе повезло, парень, – двести долларов как с неба свалились. Черт побери, ведь она стоит каждого цента этих денег! Ну и красивая же скотина! Вот будет радость для мисс Пойндекстер!

Глава VII

Беспокойная ночь

Узнав, что крапчатый мустанг уже пойман, старый охотник пришел в прекрасное расположение духа.

Его настроение стало еще лучше благодаря содержимому бутылки, в которой, вопреки опасениям Фелима, нашлось каждому «по глотку» для аппетита перед индейкой, потом по второму, чтобы запить ее, и еще по несколько за трубкой.

Оживленная беседа за ужином – по обычаю жителей прерии – касалась главным образом индейцев и случаев на охоте.

Поскольку Зеб Стумп был своего рода ходячей охотничьей энциклопедией, не мудрено, что он говорил больше всех и рассказывал такие истории, что Фелим ахал от изумления.

Однако беседа прекратилась еще задолго до полуночи. Возможно, что опорожненная бутылка заставила собеседников подумать об отдыхе; но была и другая, более правдоподобная причина. Наутро мустангер собирался отправиться на Леону, и всем им предстояло рано встать, чтобы подготовиться к путешествию. Дикие лошади еще не были приручены, и их нужно было связать друг с другом, чтобы они в пути не разбежались; и еще много всяких хлопот предстояло до отъезда.

Охотник привязал свою кобылу на длинную веревку, чтобы она могла пастись, и вернулся в хижину со старым, пожелтевшим одеялом, которое обычно служило ему постелью.

– Ложитесь на мою кровать, – любезно предложил ему хозяин, – а я постелю себе на полу лошадиную шкуру.

– Нет, – ответил гость. – Ни одна из ваших полочек не годится Зебу Стумпу для сна. Я предпочитаю землю – на ней и спится лучше и никуда не свалишься.

– Если вам так нравится, ложитесь на полу; вот здесь будет хорошо, я дам вам шкуру.

– Не тратьте зря времени, молодой человек. Я не привык спать на полу. Моя постель – зеленая трава прерии.

– Не собираетесь же вы спать под открытым небом?! – воскликнул изумленный мустангер, увидя, что гость с перекинутым через плечо одеялом направляется к выходу.

– Вот именно собираюсь.

– Но послушайте, ведь ночь очень холодная, вы продрогнете, как во время норда.

– Пустяки. Лучше продрогнуть, чем спать в духоте под крышей.

– Вы шутите, мистер Стумп?

– Молодой человек! – торжественно сказал охотник. – Зеб Стумп за последние шесть лет ни разу не проводил ночь под крышей. Когда-то у меня было что-то вроде дома – дупло старой смоковницы. Это было на Миссисипи, когда еще моя старуха была жива; я завел это жилище ради нее; когда она умерла, я перебрался сначала в Луизиану, а потом сюда. С тех пор моя единственная крыша и днем и ночью – синее небо Техаса.

– Если вы предпочитаете спать снаружи...

– Да, предпочитаю, – коротко ответил охотник, переступая порог и направляясь к лужайке, расстилавшейся между хижин и речкой.

С ним было не только его старое одеяло – на руке у него висело кабриэсто – веревка ярдов в семь длиной, сплетенная из конского волоса. Обычно ее употребляли для того, чтобы привязывать лошадь на пастбище, но сейчас она предназначалась для другой цели.

Внимательно осмотрев освещенную луной траву, он тщательно уложил на земле веревку, окружив ею пространство диаметром в несколько футов. Перешагнув через веревку, он завернулся в одеяло, спокойно улегся и через минуту, казалось, уже спал.

Судя по его громкому дыханию, он, должно быть, на самом деле спал. Зеб Стумп благодаря крепкому здоровью и спокойной совести всегда засыпал сразу.

Однако отдыхать ему пришлось недолго. Пара удивленных глаз следила за каждым его движением: это были глаза Фелима О'Нила.

– Святой Патрик, – прошептал он, – для чего это старик огородился веревкой?

Любопытство ирландца некоторое время боролось с чувством вежливости, но потом первое взяло верх; едва лишь охотник захрапел, как Фелим подкрался к нему и стал его трясти, чтобы получить ответ на заинтересовавший его вопрос.

– Будь ты проклят, ирландский осел! – воскликнул Стумп с явным неудовольствием. – Я думал, что уже утро... Для чего я кладу вокруг себя веревку? Для чего же еще, как не для того, чтобы оградить себя от всяких гадов?

– От каких гадов, мистер Стумп? От змей, что ли?

– Ну конечно, от змей, черт бы тебя побрал! Отправляйся-ка спать.

Несмотря на то что его обругали, Фелим вернулся в хижину очень довольный. «Если не считать индейцев, хуже всего в Техасе ядовитые змеи, – ворчал он, разговаривая сам с собой. – Я еще ни разу не выспался как следует с тех пор, как сюда попал. Вечно только и думаешь о них или видишь их во сне. Как жаль, что святой Патрик не посетил Техас, прежде чем отправился на тот свет!»¹⁶

Фелим, живя в уединенной хижине, мало с кем встречался и потому не знал о магических свойствах кабриесто.

Он не замедлил использовать приобретенные знания. Прокравшись тихонько в дом, чтобы не разбудить заснувшего хозяина, Фелим снял висевшую на стене веревку; затем снова вышел за дверь и выложил ее кольцом вокруг стен, постепенно разматывая на ходу.

Закончив эту процедуру, ирландец переступил порог хижины, шепча:

– Наконец-то Фелим О'Нил будет спать спокойно, сколько бы ни было змей в Техасе!

После этого монолога в хижине водворилась полная тишина. Земляк святого Патрика, не боясь больше вторжения пресмыкающихся, моментально заснул, растянувшись на лошадиной шкуре.

Некоторое время казалось, что все наслаждаются полным отдыхом, включая Тару и пойманных мустангов. Тишину нарушала только старая кобыла Стумпа, которая все еще щипала сочную траву на пастбище.

Скоро, однако, обнаружилось, что старый охотник не спит. Он ворочался с боку на бок, как будто какая-то беспокойная мысль лишила его сна.

Перевернувшись раз десять, Зеб сел и недовольно посмотрел вокруг.

– Черт бы побрал этого нахального ирландского дурня! – процедил он сквозь зубы. – Разогнал мне сон, проклятый! Надо бы его вытащить и швырнуть в речку, чтобы проучить. Руки так и чешутся! Я этого не сделаю только из уважения к его хозяину... Наверно, я так и не усну до утра.

При этих словах охотник еще раз завернулся в одеяло и снова лег.

Однако уснуть ему не удалось: он ерзал, ворочался с боку на бок; наконец опять сел и заговорил сам с собой.

На этот раз угроза выкупать Фелима в ручье прозвучала более определенно и решительно.

Казалось, охотник еще колебался, когда он вдруг заметил что-то, изменившее ход его мыслей. Футак в двадцати от того места, где он сидел, по траве скользило длинное тонкое тело; в его блестящей чешуе отражались серебристые лучи месяца, и пресмыкающееся нетрудно было определить.

¹⁶ По преданию, святой Патрик уничтожил в Ирландии всех ядовитых змей.

– Змея! – шепотом произнес Зеб, когда его глаза остановились на пресмыкающемся. – Любопытно, какая это ползает здесь по ночам... Слишком велика для гремучки; правда, в этих краях встречаются гремучих змей почти такой же величины. Но у этой слишком светла чешуя, да и тонка она телом для гремучей. Нет, это не она... А-а, теперь я узнаю гадину! Это «курочка» ищет яйца. Ах ты, бестия! И ведь ползет прямо на меня...

В его тоне не чувствовалось испуга: Зеб Стумп знал, что змея не переползет через волосяную веревку, а, коснувшись ее, поползет обратно, как от огня. Под защитой этого магического круга охотник мог спокойно следить за непрошеным гостем, если бы это была даже самая ядовитая змея.

Но она не была ядовитой. Это был всего лишь уж, и притом самый безобидный, из той разновидности змей, которые в просторечии называются «курочками», в списке североамериканских змей они числятся среди самых крупных.

На лице Зеба отразилось любопытство, и то не слишком большое. Охотник не удивился и не испугался даже тогда, когда уж подполз к самой веревке и, немного приподняв голову, ткнулся прямо в нее.

После этого вообще нечего было бояться; змея тотчас же повернула и поползла обратно.

Секунду или две охотник просидел неподвижно, следя за тем, как змея уползает. Кажется, он был в нерешительности – преследовать ли ее, чтобы уничтожить, или же оставить в покое. Если бы это была гремучая, копьеголовая или мокасиновая змея, он бы наступил ей на голову тяжелым каблуком своего сапога. Но безобидной змее «курочке» ему не за что было мстить. Это было ясно из слов, которые охотник пробормотал, пока змея медленно уползала:

– Бедная тварь! Пусть себе ползет восвоюси. Правда, она высасывает индюшечьи яйца и этим сокращает индюшечий род, но ведь это ее единственная пища, и нечего мне на нее сердиться. Но на этого проклятого дурака я чертовски зол. Вот с ним мне хотелось бы рассчитаться, лишь бы не обидеть его хозяина!.. Есть! Здорово придумал!

При этих словах старый охотник вскочил на ноги, выражение его лица стало лукавым и веселым, и он побежал за уползающим ужом.

Нескольких шагов было достаточно, чтобы догнать змею. Зеб бросился на нее, растопырив все десять пальцев. Через секунду ее длинное блестящее тело уже извивалось в его руке.

– Ну, мистер Фелим, – воскликнул Зеб, – теперь держись! Если я не напугаю твою трусливую душу так, что ты не заснешь до самого утра, то я простофиля, который не может отличить сарыча от индюка. Погоди же!

И охотник направился к хижине; тихонько прокравшись под ее тенью, он пустил ужа внутрь круга из веревки, которым Фелим оградил свое жилище.

Вернувшись на свое травяное ложе, охотник еще раз натянул одеяло и пробормотал:

– «Курочка» не переползет через веревку – это наверняка; ясно и то, что она облазит все, ища выхода. И если змея через полчаса не заберется на этого ирландского дурня, то Зеб Стумп сам дурень... Стой! Что это? Черт побери, неужто уже?

Если бы охотник хотел сказать еще что-нибудь, то все равно ничего не было бы слышно, потому что поднялся такой неистовый шум, который мог бы разбудить все живое на Аламо и на расстоянии нескольких миль в округности.

Сначала раздался душераздирающий крик или, вернее, вопль – такой, какой мог вырваться только из глотки Фелима О'Нила.

Затем голос Фелима потонул в хоре собачьего лая, лошадиного фыркания и ржания; это продолжалось без перерыва несколько минут.

– Что случилось? – спросил мустангер, соскочив с кровати и ощупью пробираясь к охваченному ужасом слуге. – Что на тебя нашло? Или ты увидел привидение?

– О, мастер Морис, хуже! На меня напала змея! Она меня всего искусала!.. Святой Патрик, я бедный, погибший грешник! Я, наверно, сейчас умру...

– Искусала змея? Покажи где? – спросил Морис, торопливо зажигая свечу.

Вместе с охотником, который уже успел появиться в хижине, он стал осматривать Фелима.

– Я не вижу никаких укусов, – продолжал мустангер, после того как тщательно осмотрел все тело слуги.

– Нет даже царапины, – коротко отозвался Стумп.

– Не укусила? Но она ползала по мне, холодная, как подавание.

– А была ли тут змея? – спросил Морис с сомнением в голосе. – Может быть, это только приснилось тебе?

– Какое там приснилось, мастер Морис! Это была настоящая змея. Провалиться мне на этом месте!

– Может, и была змея, – вмешался охотник. – Посмотрим – авось найдем ее. Чудно все же! Кругом вашего дома лежит веревка из конского волоса. Как же это гадюка могла перебраться через нее?.. Вон, вон она!

Говоря это, охотник указал в угол комнаты, где, свернувшись кольцом, лежала змея.

– Да это всего лишь «курочка»! – продолжал Стумп. – Она не опаснее голубя. Искусать она не могла, но мы все равно с ней справимся.

Охотник схватил ужа, высоко поднял и бросил оземь с такой силой, что почти лишил его способности двигаться.

– Вот и все, мистер Фелим, – сказал Зеб, наступая змее на голову своим тяжелым каблучком. – Ложись и спи спокойно до утра: змеи тебя больше не тронут.

Подталкивая ногой убитого ужа и весело посмеиваясь, Зеб Стумп вышел из хижины, снова растянулся на траве во весь свой огромный рост и на этот раз наконец заснул.

Глава VIII

Многоножка

После расправы со змеей все успокоились. Вой собаки прекратился вместе с воплями Фелима. Мустанги снова спокойно стояли под тенью деревьев.

В хижине водворилась тишина; только время от времени было слышно, как ерзал ирландец на подстилке из мустанговой шкуры, не веря больше в защиту кабриэсто.

Снаружи тишину нарушал лишь один звук, совсем непохожий на шорохи, доносившиеся из хижины. Это было нечто среднее между шипением аллигатора и кваканьем лягушки; однако поскольку этот звук вылетал из ноздрей Зеба Стумпа, вряд ли он мог быть чем-нибудь иным, нежели здоровым храпом заснувшего охотника. Его звучность говорила о том, что Зеб крепко спит.

Охотник заснул почти сразу, как только снова улегся внутри веревочного кольца. Шутка, которую он сыграл с Фелимом, чтобы отомстить за прерванный сон, успокоительно действовала на него, и он теперь наслаждался полным отдыхом.

Почти целый час длился этот дуэт; время от времени ему аккомпанировали крики ушастой совы и заунывный вой койота.

Но вот снова зазвучал хор. Запевалой, как и в прошлый раз, был Фелим.

– Спасайте, погибаю! – закричал неожиданно ирландец, разбудив не только своего хозяина в хижине, но и гостя на лужайке. – Святая дева! Заступница чистых душ! Спаси меня!

– Спасти тебя? От кого? – спросил Морис Джеральд, снова вскочив с постели и торопливо зажигая свет. – Что случилось?

– Другая змея, ваша милость. Ох! Ей-богу, гадюка, зловреднее той, которую убил мистер Стумп. Она укусила мне всю грудь. Место, где она проползла, горит, будто кузнец из Баллибаллаха обжег меня раскаленным железом.

– Будь ты проклят, олух! – закричал Зеб Стумп, появляясь в дверях с одеялом на плече. – Второй раз ты будишь меня, дурак!.. Прошу прощения, мистер Джеральд! Известно, что дураков во всех странах хватает – и в Америке, и в Ирландии, но такого идиота, как Фелим, я еще не встречал. Это сущее несчастье! Вряд ли нам сегодня удастся заснуть, если мы не утопим его в речке.

– Ох, милый Стумп, не говорите так! Клянусь, что здесь опять змея! Я уверен, что она еще в хижине. Только минуту назад я чувствовал, как она ползала по мне.

– Это тебе приснилось, наверно? – сказал охотник полувопросительно и более спокойно. – Говорю тебе, что ни одна техасская змея не переползет через волосяную веревку. Та наверняка была уже в хижине до того, как ты положил лассо. Вряд ли тут спрятались две сразу. Сейчас поищем...

– О господи! – кричал ирландец, задирая рубашку. – Вот он, след змеи, как раз на ребрах! Значит, была здесь вторая! О пресвятая дева, что со мной будет? Жжет, как огнем!

– Змея? – воскликнул Стумп, приближаясь к перепуганному ирландцу и держа над ним свечу. – Как же, змея! Нет, черт побери, клянусь, что это не змея! Это хуже!

– Хуже змеи? – воскликнул Фелим в отчаянии. – Хуже, вы сказали, мистер Стумп? Вы думаете, это опасно?

– Как тебе сказать... Все зависит от того, найду ли я кое-что поблизости и скоро ли. Если нет, то я не отвечаю...

– О мистер Стумп, не пугайте меня!

– В чем дело? – спросил Морис, увидев на груди Фелима ярко-красную полосу, словно проведенную раскаленной спицей. – Что же это, в конце концов? – повторил он с возрастаю-

щим беспокойством, заметив, как озабоченно смотрит охотник на странный след. – Я ничего подобного не видел. Это опасно?

– Очень, мистер Джеральд, – ответил Стумп, поманив мустангера за дверь хижины и говоря шепотом, чтобы не слышал Фелим.

– Но что же это такое? – взволнованно повторил Морис.

– След ядовитой многоножки.

– Ядовитая многоножка! Она его укусила?

– Нет, не думаю. Но этого и не требуется. Хватит того, что многоножка проползла – это может быть смертельно.

– Боже милосердный! Это так опасно?

– Да, мистер Джеральд. Не раз я видел, как здоровый человек отправлялся на тот свет с такой полосой. Нужно помочь, и поскорее, а то у него начнется страшный жар, а потом помутится рассудок, все равно как после укуса бешеной собаки. Но не надо пугать беднягу, пока я не выясню, нельзя ли ему помочь. В этих краях встречается трава – вернее, одно целебное растение, и если мне удастся быстро его найти, тогда вылечить Фелима будет нетрудно. На беду, луна скрылась, и придется искать на ощупь. Я знаю, что на обрыве много этого зелья. Идите успокойте парня, а я посмотрю, что можно сделать. Через минутку я вернусь...

Этот шепот за дверью ничуть не успокоил Фелима, а, наоборот, привел его в паническое состояние. Не успел старый охотник отправиться на поиски лечебного растения, как ирландец выбежал из хижины, вопя еще жалобнее.

Прошло немало времени, прежде чем Морису удалось успокоить своего молочного брата, убедив его, что опасности нет никакой, хотя он сам вовсе не был в этом уверен.

Вскоре в дверях появился Зеб Стумп; по спокойному выражению его лица нетрудно было догадаться, что целебное растение найдено. В правой руке охотник держал несколько овальных листьев темно-зеленого цвета, густо и равномерно усаженных острыми шипами. Морис узнал в них листья кактуса орегано.

– Не бойся, мистер Фелим, – сказал старый охотник, переступая порог хижины. – Теперь бояться нечего. Я достал цветочек, который живо вытянет жар из твоей крови, быстрее, чем огонь сожжет перо... Перестань выть, говорят тебе! Ты разбудил всех птиц, зверей и гадов на двадцать миль вверх и вниз по реке. Если ты будешь продолжать, сюда сбегутся все команчи, а это, пожалуй, будет хуже, чем след стоногой твари... Мистер Джеральд, пока я буду готовить припарку, найдите, чем его перевязать.

Прежде всего охотник снял ножом шипы. Затем, удалив кожицу, он нарезал кактус тонкими ломтиками, разложил их на приготовленной мустангером чистой тряпке и ловко приложил эту «припарку», как он ее назвал, к багровой полосе на теле Фелима.

Кактус быстро оказал свое действие – его сок был хорошим противоядием. И Фелим, успокоенный уверенностью, что опасность осталась позади, а также от усталости, забылся крепким освежающим сном. После неудачной попытки найти многоножку – отвратительное пресмыкающееся, которое, в отличие от змеи, не боится переползать через волосяную веревку, – врач-самоучка вернулся на свою лужайку, где спокойно проспал до утра.

Едва рассвело, все трое были на ногах. Фелима уже не трясло от лихорадки, и он позабыл все страхи. Позавтракав остатками жареного индюка, они стали спешно готовиться к отъезду. Вместе со старым охотником бывший грум из Баллибаллаха готовил диких лошадей к путешествию через прерию, привязывал их друг к другу. Морис тем временем занимался своим конем и крапчатой кобылой. Особенно большое внимание он уделял прекрасной пленнице: он тщательно расчесывал ей гриву и хвост и счищал с блестящей шерсти пятна грязи – следы упорной погони, свидетельствовавшие о том, как трудно было накинуть лассо на ее гордую шею.

– Бросьте! – сказал Зеб, не без удивления наблюдая за мустангером. – Зря вы так стараетесь. Вудли Пойндекстер не из тех, кто отказывается от своего слова. Вы получите двести долларов – поверьте старому Зебу Стумпу. Черт возьми, она и стоит этих денег!

Морис ничего не ответил, но, судя по улыбке, заигравшей в уголках его рта, можно было догадаться, что кентуккиец совсем не понял причины его особенного внимания к крапчатому мустангу.

Не прошло и часа, как мустангер уже двинулся в путь на своем гнедом коне, ведя за собой на лассо крапчатую кобылу. Сзади резвой рысью бежал табун, за которым присматривал Фелим.

Зеб Стумп на своей старой кобыле с трудом поспевал за ними.

Позади, осторожно ступая по колючей траве, трусила Тара.

Никто не остался охранять хижину: они просто закрыли дверь, обтянутую конской шкурой, чтобы внутрь не забрались четвероногие обитатели прерии. И теперь тишина, царившая кругом, нарушалась лишь криком ушастой совы, визгом пумы и заунывным лаем голодного койота.

Глава IX

Пограничный форт

На высоком флагштоке форта Индж развевается флаг, усеянный звездами; он отбрасывает колеблющуюся тень на своеобразную, удивительную панораму.

Это картина настоящей пограничной жизни – правдиво передать ее могла бы, пожалуй, только кисть Вернэ Младшего, – жизни полувоенной, полугражданской, наполовину дикой, наполовину цивилизованной; здесь вы увидите и бледнолицых и цветных людей в самых разнообразных костюмах, людей всех профессий и различных положений в обществе.

И самый форт имеет столь же необычный вид. Звездный флаг развевается не над бастионами с зубчатыми стенами, он отбрасывает свою тень не на казематы или потайные ходы: здесь нет ни рвов, ни валов – ничего, что напоминало бы крепость. Это просто частокол из стволов алгаробо, внутри которого находится навес – конюшня для двухсот лошадей. За его пределами – десяток построек незатейливой архитектуры, обыкновенные хижины-хакале с плетеными, обмазанными глиной стенами; самая большая из них – казарма. За ними расположены госпиталь, интендантские склады; с одной стороны гауптвахта, с другой, на более видном месте, – офицерская столовая и квартиры. Все чрезвычайно просто: оштукатуренные стены выбелены известкой, которой изобилуют берега Леоны: все чисто и опрятно, как и полагается крепости, в которой военные носят мундиры большой цивилизованной нации. Таков форт Индж.

На некотором расстоянии видна другая группа построек, не больше той, которая называется фортом. Они тоже находятся под покровительством американского флага; и хотя непосредственно над ними он не развевается, ему они обязаны своим возникновением и существованием. Это зародыш одного из тех поселков, которые обычно появляются вблизи американских военных постов, быстро развиваются и в большинстве случаев становятся маленькими городками, а иногда и большими городами.

В настоящее время население поселка состоит из маркитанта, на складе которого хранятся припасы, не числящиеся в военном пайке; хозяина гостиницы и бара, привлекающего бездельников своими полочками, уставленными гранеными бутылками; кучки профессиональных игроков, очищающих при помощи фараона и монте¹⁷ карманы офицеров местного гарнизона; двух десятков черноглазых сеньорит сомнительной репутации; такого же количества охотников, погонщиков, мустангеров и людей без определенных занятий, которые в любой стране, как правило, слоняются возле военных лагерей.

Дома этого небольшого поселка расположены в некотором порядке. По-видимому, все они – собственность одного предпринимателя. Они стоят вокруг «площади», где вместо фонарей и статуй торчат над вытоптанной травой высохший ствол кипариса и несколько кустов.

Леона в этом месте – еще почти ручей; она течет позади форта и поселка. Впереди расстилается равнина, покрытая яркой изумрудной зеленью и очерченная вдали более темной полосой леса, где могучие дубы, ореховые деревья и вязы борются за существование с колючими кактусами и со множеством вьющихся и ползучих растений-паразитов, почти неизвестных ботанику. К югу и востоку на берегу речки разбросаны дома. Это усадьбы плантаторов; некоторые из них выстроены недавно и не претендуют на какой-либо стиль, другие более вычурной архитектуры – по-видимому, уже солидного возраста. Один из них особенно обращает на себя внимание. Представьте себе большое здание с плоской крышей и зубчатым парапетом;

¹⁷ *Фараон и монте* – азартные карточные игры.

его белые стены резко выделяются на зеленом фоне леса, обступающего дом с трех сторон. Это асиенда¹⁸ Каса-дель-Корво.

Вы поворачиваетесь к северу, и перед вашими глазами неожиданно вырастает одиноко стоящая конусообразная гора; она возвышается над равниной на несколько сот футов; позади нее в туманной дали вырисовывается ломаная линия Гвадалупских гор – горного хребта, венчающего высокое, почти не исследованное плоскогорье Льяно-Эстакадо.

Посмотрите выше, и вы увидите небо – полусапфировое, полубирюзовое. Днем оно совершенно чистое и безоблачное, и только золотой шар солнца сияет на нем. Ночью оно усеяно звездами, словно выкованными из светлой стали; а четко очерченный диск луны кажется здесь совсем серебряным.

Взгляните вниз в тот час, когда уже исчезли луна и звезды, когда ветерок, насыщенный ароматом цветов, дует с залива Матагорда, налетает на звездный флаг и разворачивает его в утреннем свете, – взгляните, и вы увидите картину настолько яркую и живую, капризную по очертаниям и краскам, пестрящую всевозможными одеждами, что описать ее невозможно.

Вы заметите военных: голубую форму пехотинцев Соединенных Штатов, синие мундиры драгун и светлые, почти неуловимого зеленого цвета мундиры конных стрелков. По форме одеты только дежурные офицеры, начальник караула и сами караульные. Их товарищи, пользуясь свободным временем, бродят около казарм или под навесом конюшни в красных фланелевых рубашках, мягких шляпах и нечищенных сапогах.

Они болтают с людьми, одетыми совсем не по-военному. Это высокие охотники в рубашках из оленьей шкуры и таких же гетрах; пастухи, мустангеры, одетые как мексиканцы; настоящие мексиканцы в широких штанах, с серапе на плечах, в сапогах с огромными шпорами и в небрежно заломленных набекрень глянцевого сомбреро. Они разговаривают с индейцами, которые пришли в форт для торговли или мирных переговоров; их палатки виднеются невдалеке. Фигуры индейцев, с накинутыми на плечи красными, зелеными и голубыми одеялами, кажутся необычайно живописными и почти классически красивыми; даже нелепая разрисовка, которой они изуродовали свою кожу, и слипшиеся от грязи черные длинные волосы, удлинённые еще прядями конских волос, не могут испортить их строгой красоты.

Вообразите себе эту пеструю толпу в разнообразных костюмах, говорящих о национальности, профессии и положении их хозяев; добавьте еще чернокожих сынов Эфиопии – офицерских грумов или слуг соседнего плантатора; представьте себе, как они стоят небольшими группками и беседуют или фланируют по равнине между фургонами; представьте себе две шестифутовые пушки на колесах и рядом повозки с боеприпасами; одну или две белые палатки, занятые офицерами, предпочитающими из оригинальности спать под прикрытием парусины; винтовки караульных, составленные в пирамиды. Представьте себе все это, и перед вашими глазами развернется картина военного форта, находящегося на границе Техаса, на самой окраине цивилизации.

* * *

Неделю спустя после того, как плантатор из Луизианы приехал в свой новый дом, на плац-параде перед фортом Индж стояли три офицера и смотрели в сторону асиенды Каса-дель-Корво.

Они все были молоды – старшему не больше тридцати лет.

Погоны с двумя нашивками у первого указывали на его капитанский чин; второй, с одной поперечной нашивкой, был старшим лейтенантом; третий, судя по его гладким погонам, был, по-видимому, только младшим лейтенантом.

¹⁸ *Asiénd*a – поместье; так же называется и помещичий дом в Техасе и Южной Америке.

Они были свободны от дежурства и разговаривали о новых обитателях Каса-дель-Корво – плантаторе из Луизианы и его семье.

– Будем праздновать новоселье, – сказал капитан пехоты, имея в виду приглашение, полученное всеми офицерами гарнизона. – Сначала обед, а потом танцы. Настоящее событие! Там мы встретим, наверно, всех местных аристократов и красавиц.

– Аристократов? – смеясь, отозвался лейтенант драгунского полка. – Не думаю, что здесь много аристократов, а красавиц, наверно, и того меньше.

– Вы ошибаетесь, Генкок. На берегах Леоны можно найти и тех и других. Сюда перекочевали люди с большим весом в обществе. Мы встретим их на празднике у Пойндекстера, в этом я не сомневаюсь. Относительно аристократизма не беспокойтесь: у самого хозяина его столько, что хватит с избытком на всех гостей. Что же касается красавиц, бьюсь об заклад, что его дочка лучше любой девушки по эту сторону реки Сабинас! Племяннице интенданта наверняка придется уступить ей свое место первой красавицы.

– Вот как!.. – выразительно протянул лейтенант стрелкового полка; по тону его можно было понять, что эти слова задели его за живое. – Значит, мисс Пойндекстер должна быть чертовски хороша.

– Она необыкновенно хороша, если только не подурнела с той поры, как я видел ее в последний раз на балу у Лафурша. Там было несколько молодых креолов, которые добивались ее внимания, и дело чуть не дошло до дуэли.

– Кокетка, должно быть? – заметил стрелок.

– Ни капли, Кроссмен. Напротив, уверяю вас. Она девушка серьезная и не допускает излишней фамильярности – унаследовала гордость своего отца. Это фамильная черта Пойндекстеров.

– Девица как раз в моем вкусе, – шутливо заметил молодой драгун, – и если она так хороша собой, как вы говорите, капитан Слоумен, то я, наверно, влюблюсь в нее. Мое сердце, слава богу, свободно, не то что у Кроссмена.

– Послушайте, Генкок, – ответил пехотный офицер, человек практичный, – я не люблю держать пари, но готов поставить любую сумму, что, увидев Луизу Пойндекстер, вы этого больше сказать не сможете, – конечно, если будете искренни.

– Не беспокойтесь обо мне, пожалуйста, Слоумен. Я слишком часто бывал под огнем прекрасных глаз, чтобы их бояться.

– Но не таких прекрасных.

– Черт побери! Вы заставите человека влюбиться в девушку, прежде чем он взглянул на нее. Если верить вашим словам, она редкая красавица.

– Да, вы не ошиблись. Она была такой, когда я видел ее в последний раз.

– Давно ли это было?

– Бал у Лафурша? Дайте вспомнить... Года полтора назад. Вскоре после того, как мы вернулись из Мексики. Она тогда только начала выезжать; о ней говорили: «Загорелась новая звезда, рожденная для света и для славы».

– Полтора года – это большой срок, – рассудительно заметил Кроссмен. – Большой срок для девушки – особенно креолки: ведь их часто выдают замуж в двенадцать лет вместо шестнадцати. Ее красота уже могла потерять свою свежесть.

– Ничуть. Я мог бы зайти к ним, чтобы проверить, но думаю, что они сейчас хлопочут по хозяйству и, наверно, им не до гостей. Впрочем, на днях у них побывал майор, и он так много говорил о необыкновенной красоте мисс Пойндекстер, что чуть не поссорился с супругой.

– Клянусь честью, – воскликнул драгун, – вы так заинтриговали меня, что я, кажется, уже почти влюблен!

– Прежде чем вы окончательно влюбитесь, я должен предупредить вас, – сказал пехотный офицер серьезным тоном, – что вокруг розы есть шипы – другими словами, в семье есть человек, который может причинить вам неприятности.

– Брат, наверно? Так обычно говорят о братьях.

– У нее есть брат, но не в нем дело. Это чудесный, благородный юноша, единственный из Пойндекстеров, которого не гложет червь гордости.

– Тогда ее аристократический папаша? Не думаю, чтобы он стал отказываться жить под одной крышей с Генкоками.

– Я в этом не уверен... Не забывайте, что Генкоки – янки, а плантатор – благородный южанин! Но я говорю не про старого Пойндекстера.

– Кто же тогда эта загадочная личность?

– Ее двоюродный брат – Кассий Колхаун, очень неприятный субъект.

– Я, кажется, слышал это имя.

– И я тоже, – сказал стрелок.

– О нем слышал каждый, кто так или иначе был причастен к мексиканской войне, то есть кто участвовал в походе Скотта. Кассий Колхаун оставил по себе дурную память. Он уроженец штата Миссисипи и во время войны был капитаном в полку миссисипских волонтеров. Только его чаще встречали за карточным столом в игорном доме, чем в казармах. Было у него одно-два дельца, которые составили ему репутацию дуэлянта и задиры. Но эту славу он приобрел еще до мексиканской войны. В Новом Орлеане он слыл опасным человеком.

– Ну и что? – сказал молодой драгун несколько вызывающе. – Кому какое дело, опасный человек мистер Кассий Колхаун или безобидный! Мне это, право, безразлично. Ведь вы же говорите, что он ей всего лишь двоюродный брат.

– Не совсем так... Мне кажется, что он к ней неравнодушен.

– И пользуется взаимностью?

– Этого я не знаю. Но, по-видимому, он любимец ее отца. И мне даже объяснили – правда, под большим секретом – причину этой симпатии. Обычная история – денежная зависимость. Пойндекстер теперь уже не так богат, как раньше, иначе мы никогда не увидели бы его здесь.

– Если его дочь так обаятельна, как вы говорите, то надо думать, что Кассий Колхаун тоже скоро появится здесь.

– «Скоро»! Это все, что вам известно? Он уже здесь. Он приехал вместе со всей семьей и теперь поселился с ними. Некоторые предполагают, что они вместе купили плантацию. Сегодня утром я видел его в баре гостиницы – он пьянствовал, задира всех и хвастал, как всегда.

– У него смуглый цвет лица, на вид ему лет тридцать, темные волосы и усы, носит синий суконный сюртук полувоенного покроя, у пояса револьвер Кольта – так?

– Вот-вот! И еще кривой нож, если заглянуть за отворот сюртука. Это он самый.

– Субъект довольно неприятного вида, – заметил стрелок, – и если он такой хвастун и задира, то наружность не обманывает.

– К черту наружность! – с раздражением воскликнул драгун. – Офицерам армии дяди Сэма вряд ли подобает пугаться наружности. Да и самого задиры тоже. Если он вздумает задира меня, то узнает, что я умею спускать курок быстрее, чем он...

В это время рожок протрубил сбор к утреннему смотру – церемонии, которая соблюдалась в маленьком форту так же строго, как если бы там стоял армейский корпус. И три офицера разошлись, каждый к своей роте, чтобы приготовить ее к смотру, который производил майор, командир форта.

Глава X

Каса-дель-Корво

Поместье, или асиенда, Каса-дель-Корво протянулось по лесистой долине Леоны более чем на три мили и уходило к югу в прерию на шесть миль.

Дом плантатора, обычно, хотя и неправильно, тоже называемый асиендой, стоял на расстоянии пушечного выстрела от форта Индж, откуда была видна часть его белых стен; остальную же часть асиенды заслоняли высокие деревья, окаймляющие берега реки.

Местоположение асиенды было необычно и, несомненно, выбрано из соображений обороны, ибо в те времена, когда закладывался фундамент дома, колонисты опасались набегов индейцев; впрочем, эта опасность грозила им и теперь.

Река делает здесь крутую излучину в форме подковы или дуги в три четверти круга; на ее хорде, или, вернее, на примыкающем к ней параллелограмме, и была построена асиенда. Отсюда и название «Каса-дель-Корво» – «Дом на излучине».

Фасад дома обращен в сторону прерии, которая расстилается перед ним до самого горизонта: по сравнению с этим великолепным лугом королевский парк покажется совсем маленьким.

Архитектурный стиль Каса-дель-Корво, как и других больших помещичьих домов Мексики, можно назвать мавританско-мексиканским.

Дом – одноэтажный, с плоской крышей – асотеей, обнесенной парапетом. Внутри находится вымощенный плитами двор – патио – с фонтаном и лестницей, ведущей на асотею. Массивные деревянные ворота главного входа; по обе стороны от них – два или три окна, защищенных железной решеткой. Таковы характерные особенности мексиканской асиенды. Каса-дель-Корво мало чем отличалась от этого типа старинных зданий, разбросанных по всей огромной территории Испанской Америки.

Такова была усадьба, недавно приобретенная луизианским плантатором.

До сих пор не произошло никаких перемен ни во внешнем виде дома, ни внутри его, если не говорить о его обитателях. Лица полуанглосаксонского, полуфранкоамериканского типа мелькают в коридоре и во дворе, где раньше можно было встретить лишь чистокровных испанцев; а вместо богатого, звучного языка Андалузии здесь теперь раздается резкая, гортанная речь и только изредка музыкальная креоло-французская.

За стенами дома, в покрытых юкковыми листьями хижинах, где раньше жили пеоны¹⁹, произошли более заметные перемены.

Там, где высокий, худой вакеро²⁰ в черной глянцевающей шляпе с широкими полями и в клетчатом серапе на плечах, звеня шпорами, важно расхаживал по прерии, теперь ходит надменный надсмотрщик в синей куртке или плаще, щелкая своим кнутом на каждом углу; там, где краснокожие потомки ацтеков²¹, едва прикрытые овчиной, грустно бродили около своих хакале, теперь черные сыны и дочери Эфиопии с утра до вечера болтают, поют и пляшут, как бы опровергая суждение, что рабство – это несчастье.

К лучшему ли эта перемена на плантациях Каса-дель-Корво?

Было время, когда англичане ответили бы на этот вопрос «нет» с полным единодушием и горячностью, не допускающей сомнения в искренности их слов.

¹⁹ Пеон – поденщик, полевой рабочий, находившийся в полурабской зависимости от помещика.

²⁰ Вакеро (исп.) – пастух.

²¹ Ацтеки – индейцы, в древности населявшие Мексику.

О человеческая слабость и лицемерие! Наша так долго лелеянная симпатия к рабам оказалась лишь притворством.

Оказавшись на поводу у олигархии²² – не у старой аристократии нашей страны, потому что она не могла бы проявить такого коварства, а у олигархии буржуазных дельцов, которые пробрались к власти в стране, – на поводу у этих рьяных заговорщиков против народных прав, Англия изменила своему принципу, так громко ею провозглашенному, подорвала к себе доверие, оказанное ей всеми нациями²³.

* * *

Совсем о другом думала Луиза Пойндекстер, когда она задумчиво опустилась в кресло перед зеркалом и велела своей горничной Флоринде одеть и причесать себя для приема гостей.

Это было примерно за час до званого обеда, который давал Пойндекстер, чтобы отпраздновать новоселье. Не этим ли следовало объяснить некоторое беспокойство в поведении молодой креолки? Однако у Флоринды были на этот счет свои догадки, о чем свидетельствовал происходивший между ними разговор.

Хотя вряд ли это можно было назвать разговором: Луиза просто думала вслух, а ее служанка вторила ей, как эхо. В течение всей своей жизни молодая креолка привыкла смотреть на рабыню как на вещь, от которой можно было не скрывать своих мыслей, так же как от стульев, столов, диванов и другой мебели в комнате. Разница заключалась лишь в том, что Флоринда все же была живым существом и могла отвечать на вопросы. Минут десять после того, как Флоринда появилась в комнате, она без умолку болтала о всяких пустяках, а участие в разговоре самой Луизы ограничивалось лишь отдельными замечаниями.

– О мисс Луи, – говорила негритянка, любовно расчесывая блестящие пряди волос молодой госпожи, – ну и чудесные у вас волосы! Словно испанский мох, что свешивается с кипариса. Только они у вас другого цвета и блестят, точно сахарная патока.

Луиза Пойндекстер, как уже упоминалось, была креолка, а потому вряд ли нужно говорить, что ее волосы были темного цвета и пышные, «словно испанский мох», как наивно выразилась негритянка. Но они не были черными; это был тот густой каштановый цвет, который встречается иногда в окраске черепахи или пойманного зимой соболя.

– Ах, – продолжала Флоринда, взяв тяжелую прядь волос, которая отливала каштановым цветом на ее черной ладони, – если бы у меня были ваши красивые волосы, а не эта овечья шерсть, они все были бы у моих ног, все до одного!

– О чем ты говоришь? – спросила молодая креолка, точно очнувшись от грез. – Что ты сказала? У твоих ног? Кто?

– Ну вот, разве мисс не понимает, что я говорю?

– Право, нет.

– Я заставила бы их влюбиться в меня. Вот что!

– Но кого же?

– Всех белых джентльменов! Молодых плантаторов! Офицеров форта – всех, всех подряд! С вашими волосами, мисс Луи, я бы их всех заполонила!

– Ха-ха-ха! – рассмеялась Луиза, взглянув на Флоринду и представив ее со своей шевелюрой. – Ты думаешь, что ни один мужчина не устоял бы перед тобой, если бы у тебя были мои волосы?

²² Олигархия (греч. – власть немногих) – политическое и экономическое господство, правление небольшой кучки эксплуататоров.

²³ Англия, с одной стороны, боролась против работорговли, а с другой – покупая хлопок у рабовладельцев, поддерживала противников уничтожения рабства.

– Нет, мисс, не только ваши волосы, но и ваше личико, ваша кожа, белая, как алебастр, ваша стройная фигура и ваши глаза... О мисс Луи, вы такая замечательная красотка! Я слышала, как это говорили белые джентльмены. Но мне и не надо слышать, что они говорят, – я сама вижу.

– Ты научилась льстить, Флоринда.

– Нет, мисса, что вы! Ни одного словечка лести, ни одного слова! Клянусь вам! Клянусь апостолами!

Тому, кто лишь раз взглянул на Луизу, не нужны были клятвы негритянки, чтобы поверить в искренность ее слов, какими бы восторженными они ни были. Сказать, что Луиза Пойндекстер прекрасна, – значило только подтвердить общее мнение окружающего ее общества. Красота Луизы Пойндекстер поражала всех с первого взгляда, но трудно подобрать слова, чтобы дать о ней представление. Перо не может описать прелести ее лица. Даже кисть дала бы лишь слабое представление о ее облике, и ни один художник не мог бы изобразить на безжизненном полотне волшебный свет, который излучали ее глаза – казалось, освещая все лицо. Черты его были классическими и напоминали излюбленный Фидием и Праксителем тип женской красоты. И в то же время во всем греческом пантеоне нет никого похожего на нее, потому что у Луизы Пойндекстер было не лицо богини, а гораздо более привлекательное для простых смертных – лицо женщины.

На восторженные уверения Флоринды девушка ответила веселым смехом, в котором, однако, не слышалось сомнения. Молодой креолке не нужно было напоминать о ее красоте. Луиза знала, что она прекрасна, и не раз бросала пристальный взгляд в зеркало, перед которым ее причесывала и одевала служанка. Лесть негритянки мало тронула ее, не больше, чем ласка баловня спаниеля, и дочь плантатора снова задумалась; из этого состояния ее вывела болтовня служанки.

Флоринду это не смутило, она не замолчала. Горничную, очевидно, мучила какая-то тайна, которую ей хотелось разгадать во что бы то ни стало.

– Ах, – продолжала она, как будто разговаривая сама с собой, – если бы Флоринда была хоть наполовину так хороша, как молодая мисса, она бы ни на кого не смотрела и ни по ком бы не вздыхала!

– Вздыхала? – повторила Луиза, удивленная ее словами. – Что ты хочешь этим сказать?

– Боже мой, мисс Луи, Флоринда не такая уж слепая и не такая глухая, как вы думаете! Она давно замечает, что вы все сидите на одном месте и не пророните ни словечка, только вздыхаете, да так глубоко! Этого не бывало, когда мы жили на старой плантации в Луизиане.

– Флоринда, я боюсь, что ты теряешь рассудок или ты его уже в Луизиане потеряла! Может быть, здешний климат плохо действует на тебя?

– Честное слово, мисс Луи, вы должны об этом спросить себя. Не сердитесь на меня, что я с вами так попросту разговариваю. Флоринда – ваша рабыня и любит вас, как черная сестра. Она горюет, когда вы вздыхаете. Потому она так и говорит с вами. Вы не сердитесь на меня?

– Конечно, нет. За что мне на тебя сердиться, девочка? Я не сержусь, я же не говорила, что сержусь. Только ты ошибаешься. То, что ты видела и слышала, – всего лишь твоя фантазия. Ну, а вздыхать мне некогда. Сейчас мне хватит и других дел – ведь нужно будет принять чуть ли не сотню гостей, и почти все они незнакомые. Среди них будут молодые плантаторы и офицеры, которых ты поймала бы, если бы у тебя были мои волосы. Ха-ха! А у меня нет никакого желания очаровывать их, ни одного из них! Так что поскорее причесывай мои волосы, только не плети из них сетей.

– О мисс Луи, вы правду говорите? – спросила негритянка с нескрываемым любопытством. – И вы говорите, что ни один из этих джентльменов вам не нравится? Но ведь будут два-три очень-очень красивых! Этот молодой плантатор и те два красивых офицера. Вы ведь

знаете, про кого я говорю. Все они так ухаживали за вами. Вы уверены, мисса, что ни об одном из них вы не вздыхаете?

– Опять о вздохах! – рассмеялась Луиза. – Довольно, Флоринда, мы теряем время. Не забывай, что у нас сегодня будет больше ста гостей, и мне нужно хотя бы полчаса, чтобы подготовиться к такому большому приему.

– Не беспокойтесь, мисс Луи, не беспокойтесь! Мы успеем вовремя. Вас одеть нетрудно – мисса хороша в любом наряде. Вы все равно будете первой красавицей, даже если наденете простое платье сборщицы хлопка!

– Как ты научилась льстить, Флоринда! Я подозреваю, что тебе что-то от меня надо. Может быть, ты хочешь, чтобы я помирила тебя с Плутоном?

– Нет, мисса, Плутон никогда больше не будет моим другом. Плутон оказался таким трусом, когда на нас налетела буря в черной прерии! О, мисс Луи, что бы мы только делали, если бы не подоспел тот молодой джентльмен на гнедой лошади!

– Если бы не он, милая Флоринда, наверно, никого из нас здесь не было бы.

– О мисса, а какой же он красавец! Вы помните его лицо? Его густые волосы совсем такого же цвета, как ваши, только выются они немного, вроде моих. И что тот молодой плантатор или офицер из форта по сравнению с ним! Пусть наши негры говорят, что он белый бродяга, – так что из этого? Он такой красавец, он заставит любую девушку вздыхать. Очень, очень пригожий малый!

До последней минуты молодая креолка сохраняла спокойствие. Теперь оно было нарушено. Случайно или намеренно, но Флоринда коснулась самых сокровенных дум своей молодой госпожи.

Луизе не хотелось открывать свою тайну даже рабыне, и она обрадовалась, когда со двора донеслись громкие голоса, – это был благовидный повод поскорее закончить туалет, а вместе с ним и разговор, который ей не хотелось продолжать.

Глава XI

Неожиданный гость

– Эй ты, черномазый, где твой хозяин?
– Масса Пойндекстер, сэр? Старый или молодой?
– На что мне молодой? Я спрашиваю о мистере Пойндекстере. Где он?
– Да-да, сэр, они оба дома, то есть их обоих нет дома – ни старого хозяина, ни молодого масса Генри. Они там, внизу, у речки, где делают новую ограду. Да-да, они оба там.
– Внизу, у речки? Далеко ли это отсюда, как ты думаешь?
– О сэр! Негр думает, что это мили за три или четыре, если не дальше.
– За три или четыре мили? Да ты совсем дурак! Разве плантация мистера Пойндекстера тянется так далеко? А насколько мне известно, он не из тех, кто ставит ограды на чужой земле. Вот что: скажи-ка лучше, когда он вернется? Уж это ты должен знать.

– Они оба должны скоро воротиться – и молодой хозяин, и старый, и масса Колхаун тоже. Будет большой праздник в этом доме – понюхайте, как пахнет из кухни! И чего только там не готовят сегодня – и жареное, и вареное, и целые туши, запеканки и курятина! Пир у нас будет не хуже, чем, бывало, на Миссисипи. Честь и слава масса Пойндекстеру! Он старик что надо, да-да, незнакомец! Что же вас не позвали на праздник – или вы не друг старого хозяина?

– Черт тебя побери, негр, разве ты меня не помнишь? А я вот всматриваюсь в твою черную физиономию и узнаю тебя.

– Господи! Неужели это масса Стумп, который привозил оленину и индюков на старые плантации? Вот так так – и правда! Право же, масса Стумп, негр помнит вас так хорошо, как будто было позавчера. Вы, кажется, заходили на днях, но меня здесь не было. Я кучер теперь – сижу на козлах кареты, в которой ездит молодая хозяйка плантации, красавица миссис Лу. Ей-богу, масса, лучше ее не найти! Люди говорят, что Флоринда ей в подметки не годится... Ну ничего, масса Стумп, вы лучше подождите малость – старый хозяин вот-вот будет дома.

– Ладно, если такое дело, я подожду, – ответил охотник, неторопливо слезая с седла. – Слушай, – продолжал он, передавая негру поводья, – дай-ка ей штучек шесть початков кукурузы. Я проскакал на скотине больше двадцати миль с быстротой молнии – старался для твоего хозяина.

– О, мистер Зебулон Стумп, это вы? – раздался серебристый голосок, и на веранде появилась Луиза Пойндекстер. – Я так и думала, что это вы, – продолжала она, подходя к перилам, – хотя и не ожидала увидеть вас так скоро. Вы как будто сказали, что собираетесь в далекое путешествие. Но я очень рада, что вижу вас здесь; папа и Генри тоже будут вам рады... Плутон, иди сейчас же к кухарке Хлое и узнай, чем она может накормить мистера Стумпа... Вы ведь не обедали, не правда ли? Вы весь в пыли – наверно, приехали издалека?... Послушай, Флоринда, беги в буфетную и принеси чего-нибудь выпить. У мистера Стумпа, наверно, сильная жажда – ведь сегодня такой жаркий день... Что вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет? Ах да, теперь я вспоминаю – вы предпочитаете мононгахильское виски. У нас, кажется, найдется... Посмотри, Флоринда, что там есть... Поднимитесь на веранду, мистер Стумп, и присядьте, пожалуйста. Вы хотели видеть отца? Он должен вернуться с минуты на минуту. А я постараюсь пока занять вас.

Если бы молодая креолка кончила говорить и раньше, она все равно не получила бы ответа сразу.

Даже и теперь Стумп заговорил только через несколько секунд. Он стоял, не сводя с нее глаз, и как будто онемел от восхищения.

– Боже милостивый, мисс Луиза! – наконец выговорил он. – Когда я видел вас на Миссисипи, я думал, что вы самое прекрасное создание на земле. А теперь я уверен, что вы самое прелестное создание не только на земле, но и в небесах. Иосафат!

Старый охотник не преувеличивал. Только что причесанные волосы молодой креолки блестели, ее щеки после холодной воды горели ярким румянцем. Стройная, в легком платье из белой индийской кисеи, Луиза Пойндекстер действительно казалась первой красавицей на земле, а может быть, и на небе.

– Иосафат! – снова воскликнул охотник. – Мне случилось на своем веку видеть женщин, которые казались мне красивыми, и моя жена была недурна собой, когда я впервые встретил ее в Кентукки, – все это так. Но я скажу вот что, мисс Луиза: если взять всю их красоту и соединить в одно, то все равно не получилось бы и тысячной части такого ангела, как вы.

– Ай-яй-яй, мистер Стумп, мистер Стумп, от вас я этого не ожидала! Как видно, Техас научил вас говорить комплименты. Если вы будете продолжать в том же духе, боюсь, вы лишитесь своей репутации правдивого человека. Теперь я уже совсем убеждена, что вам необходимо как следует выпить... Скорей, Флоринда!.. Вы, кажется, сказали, что предпочитаете виски?

– Если я и не сказал, то, во всяком случае, подумал, а это почти одно и то же. Да, мисс, я отдаю предпочтение нашему отечественному напитку перед всеми иностранными и никогда не пройду мимо него, если только увижу. В этом отношении Техас меня не переделал.

– Масса Стумп, подать вам воды, чтобы разбавить? – спросила Флоринда, появляясь со стаканом, наполовину наполненным виски.

– Что ты, голубушка! Зачем мне воды? Она мне надоела за сегодняшний день. С самого утра у меня во рту не было ни капли вина, даже запаха не слышал.

– Дорогой мистер Стумп, но ведь виски невозможно так пить – оно обожжет вам горло. Возьмите немного меда или сахара.

– Зачем же переводить добро, мисс! Виски – прекрасный напиток и без этих снадобий, особенно после того, как вы на него взглянули. Сейчас увидите, могу ли я пить его неразбавленным. Давайте попробуем!

Старый охотник поднес стакан к губам и, сделав три-четыре глотка, вернул его пустым Флоринде. Громкое чмокание почти заглушило невольные возгласы удивления, вырвавшиеся у молодой креолки и ее служанки.

– Обожжет мне горло, вы сказали? Нисколько. Оно только промыло мне глотку, и теперь я могу разговаривать с вашим папашей относительно крапчатого мустанга.

– Ах да! А я совсем забыла... Нет, я не то хотела сказать... Я просто думала, что вы не успели еще ничего узнать. Разве есть какие-нибудь новости об этом красавце?

– Красавце – это правильно сказано.

– Вы слышали что-нибудь новое об этом мустанге, после того как были у нас?

– Не только слышал, но видел его и даже руками трогал.

– Неужели?

– Мустанг пойман.

– В самом деле? Какая чудесная новость! Как я рада, что увижу этого красавца, и как хорошо будет проехать на нем! С тех пор как я в Техасе, у меня не было ни одной хорошей лошади. Отец обещал мне купить этого мустанга за любую цену. Но кто этот счастливец, которому удалось настичь его?

– Вы хотите сказать, кто поймал лошадку?

– Да-да! Кто же?

– Ну конечно, мустангер.

– Мустангер?

– Да, и такой, который и верхом ездит, и лассо бросает лучше всех в здешней прерии. А еще хвалят мексиканцев. Никогда я не видел ни одного мексиканца, который так искусно

управлялся бы с лошадьми, как этот малый, а в нем нет ни капли мексиканской крови, – ручаюсь головой!

– А как его зовут?

– Как его зовут? Должен признать, что фамилии его я никогда не слышал, а имя его – Морис. Его тут все зовут Морис-мустангер.

Старый охотник не был настолько наблюдателен, чтобы уловить, с каким напряженным интересом был задан этот вопрос. Он также не заметил, что на щеках девушки вспыхнул яркий румянец, когда она услышала его ответ.

Однако ни то, ни другое не ускользнуло от внимания Флоринды.

– О мисс Луи, – воскликнула она, – ведь так зовут того храброго молодого джентльмена, который спас нас в черной прерии!

– И то правда! – воскликнул охотник, избавив молодую креолку от необходимости отвечать. – Только сегодня утром он рассказал мне эту историю, как раз перед нашим отъездом. Это он самый. Он-то и поймал крапчатого мустанга. Сейчас парень на пути к вам – гонит лошадку и еще около дюжины мустангов – и должен быть здесь до наступления сумерек. А я поспешил на своей старой кобыле вперед, чтобы рассказать об этом вашему отцу. Я знаю, что, как только об этой лошадке узнают в форте и на плантациях, ее быстро перехватят. Я это сделал для вас, мисс Луиза, – помню, как вы заинтересовались моим рассказом о ней. Ну ничего, теперь не беспокойтесь, все будет в порядке – старый Зеб Стумп ручается за это.

– О, как вы добры, мистер Стумп! Я вам очень, очень благодарна! Но теперь я должна вас на минутку оставить. Извините меня. Отец скоро вернется. У нас сегодня званый обед. Мне надо распорядиться по хозяйству... Флоринда, скажи, чтобы мистеру Стумпу подали завтрак. Иди и распорядись поскорее. Да, вот еще что, мистер Стумп, – продолжала девушка, подходя к охотнику и понизив голос, – если молодой... молодой джентльмен придет, когда здесь будут гости – он, вероятно, незнаком с ними, – проследите, пожалуйста, чтобы о нем позаботились. Здесь, на веранде, у нас вино, тут же будет и закуска. Вы понимаете, о чем я говорю, дорогой мистер Стумп?

– Черт меня побери, если я что-нибудь понимаю, мисс Луиза! Я понимаю вас, когда речь идет о выпивке и прочем, но про какого молодого джентльмена вы говорите, этого я никак не возьму в толк.

– Ну как же вы не понимаете! Молодой джентльмен – молодой человек, который должен привести мустангов.

– А-а! Морис-мустангер! Вы, стало быть, про него говорите? Должен сказать, что вы не ошиблись, называя его джентльменом, хотя редко о каком мустангере можно так сказать, но этот парень – джентльмен во всем: по рождению, воспитанию и поведению, несмотря на то что он охотник за лошадьми, да к тому же ирландец.

Глаза Луизы Пойндекстер заблестели от радости, когда она услышала мнение старого охотника о Морисе-мустангере.

– Но знаете, – продолжал Зеб, у которого, казалось, возникло какое-то сомнение, – я вам скажу по-дружески: этого парня обидит гостеприимство из вторых рук. Ведь он, как у нас, бывало, говорили в Миссисипи, «горд, как Пойндекстер». Простите, мисс Луиза, что у меня так вырвалось. Я забыл, что разговариваю с мисс Пойндекстер – не с самым гордым, но с самым красивым членом этой семьи.

– О мистер Стумп, мне вы можете говорить все, что хотите. Вы знаете, что на вас, на нашего милого великана, я не обижусь.

– У кого повернется язык сказать что-нибудь обидное для вас, мисс Луиза?

– Благодарю, благодарю! Я знаю ваше благородное сердце, вашу преданность. Может быть, когда-нибудь, мистер Стумп... – она говорила нерешительно, – мне понадобится ваша дружба.

– Она не заставит себя ждать, – это Зеб Стумп может вам обещать, мисс Пойндекстер.

– Спасибо! Тысячу раз спасибо!.. Но что вы хотели сказать? Вы говорили о гостеприимстве из вторых рук?

– Да, говорил.

– Что вы имели в виду?

– Я хотел сказать: не будет толку, если я предложу Морису-мустангеру что-нибудь выпить или закусить в вашем доме. Разве только ваш отец сам предложит ему, а не то он уйдет, не дотронувшись ни до чего. Вы понимаете, мисс Луиза, ведь он не такой человек, которого можно отослать на кухню.

Молодая креолка не сразу ответила – она как будто о чем-то задумалась.

– Ну хорошо, не беспокойтесь, – сказала она наконец, и по тону ее можно было догадаться, что колебания ее кончились. – Хорошо, мистер Стумп, не угощайте его. Только дайте мне знать, когда он придет. Но если это будет во время обеда, он, конечно, поймет, что никто не сможет выйти к нему, – тогда, пожалуйста, задержите его немного. Вы обещаете мне это?

– Ну конечно, раз вы меня просите.

– Спасибо. Только обязательно дайте мне знать, когда он придет. Я сама предложу ему закусить.

– Боюсь, мисс, как бы вы не отбили у него аппетит. Даже голодный волк потеряет охоту к еде, когда увидит вас или услышит ваш звонкий голосок. Когда я сюда пришел, я был так голоден, что готов был целиком проглотить сырого индюка. А теперь мне еда ни к чему, хоть целый месяц могу теперь не есть.

В ответ Луиза разразилась звонким смехом и показала охотнику на противоположный конец двора, где из дверей кухни появилась Флоринда с подносом в руках, а за ней следовал Плутон – тоже с подносом, но только пошире и более основательно нагруженным.

– Ах вы, милый великан! – с притворным упреком сказала креолка. – Не верится мне, что вы так легко теряете аппетит... А вот и Плутон с Флориндой! То, что они несут, составит вам более веселую компанию, чем я. И поэтому я вас оставляю. До свидания, Зеб! До свидания!

Эти слова были произнесены веселым тоном; Луиза беззаботно прошла через веранду, но, очутившись одна в своей комнате, снова погрузилась в глубокое раздумье.

«Это моя судьба. Я чувствую, я знаю это. Мне страшно идти ей навстречу, но я не в силах избежать ее. Я не могу и не хочу!» – прошептала она.

Глава XII

Укрощение дикой лошади

Асотея – самая приятная часть мексиканского дома: ее пол – плоская крыша асиенды, а потолок – синий купол неба. В хорошую погоду – а в этом благодатном климате погода всегда хорошая – асотею предпочитают гостиной.

Там в послеобеденные часы, когда заходящее солнце заливает розовым светом снежные вершины гор Орисаба, Попокатепетль, Талука и горы Близнецов, мексиканский кабалеро щеголяет перед прекрасной сеньоритой своим украшенным вышивкой нарядом, дымя ей прямо в лицо сигарой. Черноглазая красавица снисходительно слушает тихие любовные признания, а может быть, не слушает, а только притворяется и грустно глядит на далекую асиенду, где живет тот, кому отдано ее сердце.

Проводить часы предвечерних сумерек на крыше дома – это приятный обычай, которому следуют все, кто поселился в мексиканской асиенде. Вполне естественно, что и семья луизианского плантатора следовала ему.

И в этот вечер, после того как столовая опустела, гости собрались не в гостиной, а на крыше. Заходящее солнце осветило косыми лучами такое оживленное и блестящее общество, какое едва ли когда-нибудь собиралось на асотею Каса-дель-Корво. Гости прогуливались по ее мозаичному полу, стояли группами или же, остановившись у парапета, смотрели вдаль. Даже в старые времена, когда прежний владелец принимал у себя местных идальго²⁴ самой голубой крови во всей Коауиле и Техасе, – даже тогда не собиралось здесь столько красивых женщин и отважных мужчин.

Общество, которое собралось в Каса-дель-Корво, чтобы поздравить Вудли Пойндекстера с переездом в его техасское поместье, принадлежало к избранному кругу не только Леоны, но и других, более отдаленных мест. Здесь были гости из Гонсалеса, из Кастровилла и даже из Сан-Антонио – старые друзья плантатора, которые, так же как и он, переселились в юго-западный Техас; многие из них проскакали более ста миль верхом, чтобы присутствовать на этом торжестве.

Плантатор не пожалел ни денег, ни трудов, чтобы придать празднеству пышность. Блестящие мундиры и эполеты приглашенных офицеров, военный оркестр, прекрасные старые вина погребов Каса-дель-Корво – все это придавало пиршеству блеск, еще не виданный на берегах Леоны.

Но главным украшением общества была прелестная дочь плантатора. Слава о ее красоте достигла Техаса раньше, чем она сама успела приехать из Луизианы, где считалась первой красавицей. Молодая хозяйка дома появлялась то здесь, то там среди гостей, прекрасная, как богиня, с улыбкой королевы на устах.

Сотни глаз были устремлены на нее: одни следили за ней с восхищением, другие – с завистью.

Но была ли она счастлива?

Этот вопрос может показаться странным, почти нелепым. Окруженная друзьями, поклонниками, – один из которых был давно уже страстно влюблен, другие только начинали влюбляться, – поклонниками, среди которых были молодые плантаторы, адвокаты, начинающие свою карьеру и уже известные государственные деятели, сыны Марса, носящие оружие или недавно его снявшие, – могла ли она не быть счастливой? Только посторонний мог задать этот

²⁴ *Идальго* – испанский дворянин.

вопрос – человек, незнакомый с характером креолок и особенно с характером Луизы Пойндекстер.

В блестящей толпе гостей был человек, который жадно ловил каждый ее жест и старался разгадать его значение. Это был Кассий Колхаун.

Он следовал за ней повсюду и не на близком расстоянии, как тень, но украдкой, незаметно переходя с места на место; наверху ли, внизу ли, стоя прислонившись в углу с видом притворной рассеянности, он ни на минуту не отводил глаз от прекрасной креолки, словно сыщик.

Как ни странно, он не обращал внимания на то, что она говорила в ответ на комплименты, которыми ее засыпали кавалеры, добиваясь ее улыбки, – даже серьезное ухаживание молодого драгуна Генкока как будто не беспокоило Колхауна. Все это он слушал без видимого волнения, как обычно слушают разговоры, не представляющие никакого интереса ни для себя, ни для друзей.

И только когда все поднялись на асотею, Кассий Колхаун выдал себя: окружающие не могли не заметить того упорного, испытующего взгляда, каким он следил за Луизой, когда та подходила к парпету и всматривалась в даль. Гости, стоявшие вблизи, поймали не один такой взгляд, потому что не раз повторялось движение, которое вызывало его.

Каждые несколько минут молодая хозяйка Каса-дель-Корво приближалась к парпету и смотрела вдаль, через равнину, словно чего-то искала на горизонте.

Почему она делала это, никто не знал, и никого это не беспокоило. Никого, кроме Кассия Колхауна. У него же были подозрения, которые терзали его.

А когда по прерии в золотых лучах заходящего солнца замелькали какие-то силуэты и наблюдавшие с асотеи скоро различили табун лошадей, сопровождаемый несколькими всадниками, отставной капитан уже не сомневался, что знает, кто скачет во главе этой кавалькады.

Но еще задолго до того, как табун лошадей привлек внимание гостей, Луиза заметила его по облаку пыли, поднявшемуся на горизонте. Правда, оно было тогда еще настолько маленьким и неясным, что увидеть его мог только тот, кто напряженно ждал, что вот-вот табун появится. С этой минуты молодая креолка, непринужденно болтая с подругами, исподтишка следила за приближающимся облаком пыли; она уже догадывалась, чем оно было вызвано, но думала, что знает это только она одна.

– Дикие лошади! – объявил майор, комендант форта Индж, посмотрев в бинокль. – Кто-то ведет их сюда, – сказал он, вторично поднимая бинокль к глазам. – А! Теперь я вижу: это Морис-мустангер – он иногда поставляет нам лошадей. Он как будто бы едет прямо сюда, мистер Пойндекстер.

– Очень возможно, если это тот молодой человек, которого вы только что назвали, – ответил владелец Каса-дель-Корво. – Этот мустангер взялся доставить мне десятка два-три лошадей и, вероятно, уже ведет их... Да, так и есть, – сказал он, посмотрев в бинокль.

– Я уверен, что это он! – воскликнул сын плантатора. – Я узнаю в этом всаднике Мориса Джеральда.

Дочь плантатора тоже могла бы это сказать, но она не показала виду, что сколько-нибудь заинтересована происходящим. Она заметила, что за ней неустанно следят злые глаза двоюродного брата.

Наконец табун приблизился. Впереди действительно скакал Морис-мустангер; он вел за собой на лассо крапчатого мустанга.

– Что за чудесная лошадка! – раздалось несколько голосов, когда дикого мустанга, встревоженного необычной обстановкой, подвели к дому.

– А ведь стоит спуститься вниз, чтобы посмотреть на эту дикарку, – заметила жена майора, дама с восторженным характером. – Давайте сойдем вниз. Как вы думаете, мисс Пойндекстер?

– Если хотите, – послышался ответ молодой хозяйки среди целого хора настойчивых голосов.

– Спустимся вниз, скорее спустимся!

Под предводительством жены майора дамы сбежали вниз по каменной лестнице. Мужчины последовали за ними. Через несколько минут мустангер, все еще верхом на лошади, очутился вместе со своей пленницей в самом центре изысканного общества.

Генри Пойндекстер опередил всех и дружески приветствовал мустангера.

Луиза обменялась с Морисом лишь легким поклоном. Оказать больше внимания торговцу лошадьми, даже если считать, что он был удостоен чести знакомства с ней, она не решилась, так как вряд ли это понравилось бы обществу.

Из всех дам одна лишь жена майора поздоровалась с мустангером приветливо, но это было сделано свысока, и в тоне ее звучала снисходительность. Зато он был вознагражден быстрым и выразительным взглядом молодой креолки.

Впрочем, благосклонность сквозила во взгляде не только одной Луизы. Несмотря на запыленный костюм, мустангер был очень хорош собой. Долгий путь как будто нисколько не утомил его. Степной ветер разрумянил лицо молодого ирландца; сильная, бронзовая от загара шея подчеркивала мужественную красоту юноши. Во всей его стройной фигуре чувствовались необыкновенная выносливость и сила. Не одна пара женских глаз украдкой глядела на него, стараясь поймать его взгляд. Хорошенькая племянница интенданта восхищенно улыбалась ему. Говорили, что и жена интенданта посматривала на него, но это, по-видимому, была лишь клевета, исходившая от супруги доктора, известной в форте сплетницы.

– Нет сомнения, – сказал Пойндекстер, осмотрев пойманного мустанга, – что это именно та лошадь, о которой мне говорил Зеб Стумп.

– Да, она и есть та самая, – ответил старый охотник, подходя к Морису, чтобы помочь ему. – Совершенно правильно, мистер Пойндекстер, это та самая лошадь. Парень поймал ее, прежде чем я успел приехать к нему. Хорошо, что я подросел вовремя: лошадка, пожалуй, могла попасть в другие руки, а это огорчило бы мисс Луизу.

– Это верно, мистер Стумп. Вы очень внимательны ко мне. Право, не знаю, смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за вашу доброту, – сказала Луиза.

– «Отблагодарить»? Вы хотите сказать, что желали бы сделать мне что-нибудь приятное? Это вам нетрудно, мисс. Ведь я-то ничего особенного и не сделал – прокатился по прерии, вот и все. А полюбоваться на такую красотку, как вы, да еще в шляпе с пером и в юбке с длинным хвостом, который развеивается позади вас, верхом на этой кобыле, – за такую плату Зеб Стумп согласился бы пробежаться до самых Скалистых гор и обратно!

– О мистер Стумп, какой вы неисправимый льстец! Посмотрите вокруг, и вы найдете многих, более меня достойных ваших комплиментов.

– Ладно, ладно! – ответил Зеб, бросив рассеянный взгляд на дам. – Я не отрицаю, что здесь много красоток – черт побери, много красоток! Но, как говорили у нас в Луизиане, Луиза Пойндекстер только одна.

Взрыв смеха, в котором можно было различить лишь немного женских голосов, был ответом на галантную речь Зеба.

– Я вам должен двести долларов за эту лошадь, – сказал плантатор, обращаясь к Морису и указывая на крапчатого мустанга. – Кажется, о такой сумме договаривался с вами мистер Стумп?

– Я не участвовал в этой сделке, – ответил мустангер, многозначительно, но любезно улыбаясь. – Я не могу взять ваших денег. Эта лошадь не продается.

– В самом деле? – сказал Пойндекстер, отступая назад с видом уязвленной гордости.

Плантаторы и офицеры не могли скрыть своего крайнего удивления, услышав ответ Мориса. Двести долларов за необъезженного мустанга, тогда как обычная цена от десяти до двадцати! Мустангер, вероятно, не в своем уме.

Но Морис не дал им возможности рассуждать на эту тему.

– Мистер Пойндекстер, – продолжал он с прежней любезностью, – вы так хорошо заплатили мне за других мустангов и даже раньше, чем они были пойманы, что разрешите мне отблагодарить вас и сделать подарок, как у нас в Ирландии говорят, «на счастье». По нашему ирландскому обычаю, когда торговая сделка на лошадей происходит на дому, подарок делают не тому, с кем заключают сделку, а его жене или дочери. Разрешите мне ввести этот ирландский обычай в Техасе?

– Разумеется! – раздалось несколько голосов.

– Я не возражаю, мистер Джеральд, – ответил плантатор, поступаясь своим консерватизмом перед общим мнением. – Как вам будет угодно.

– Благодарю, джентльмены, благодарю! – сказал мустангер, покровительственно взглянув на людей, которые считали себя выше его. – Эта лошадь и будет подарком «на счастье». И если мисс Пойндекстер согласится принять ее, я буду чувствовать себя более чем вознагражденным за три дня непрерывной охоты за этой дикаркой. Будь она самой коварной кокеткой, и тогда вряд ли было бы труднее ее покорить.

– Я принимаю ваш подарок, сэр, и принимаю его с благодарностью, – впервые заговорила молодая креолка, непринужденно выступая вперед. – Но мне кажется... – продолжала она, указывая на мустанга и в то же время вопросительно смотря в глаза мустангеру, – мне кажется, что ваша пленница еще не укрощена? Она дрожит от страха перед неизвестным будущим. Вероятно, еще постарается сбросить узду, если она ей придется не по нраву, и что я, бедняжка, тогда буду делать?

– Правильно, Морис, – сказал майор, совсем не поняв тайного смысла этих слов и обращаясь к тому, кто один только и мог разгадать их значение. – Мисс Пойндекстер права. Мустанг еще совсем не объезжен – это ясно каждому. А ну-ка, любезный друг, поучите его немного!.. Леди и джентльмены! – обратился майор к окружающим. – Это стоит посмотреть, особенно тем, кто еще не видел подобного зрелища... Ну-ка, Морис, садитесь на нее и покажите нам, на что способны наездники прерий. Судя по ее виду, вам предстоит нелегкая задача.

– Вы правы, майор, задача действительно не из легких! – ответил мустангер, бросив быстрый взгляд, но не на четвероногую пленницу, а на молодую креолку.

Собрав все свои силы, чтобы не выдать себя, девушка, дрожа, отступила назад и скрылась в толпе гостей.

– Ничего, Морис, ничего! – твердил майор успокаивающим тоном. – Хоть глаза ее и горят огнем, бьюсь об заклад, что вы выбьете из нее дурь. Попробуйте-ка!

Не принять предложения майора мустангер не мог – ему не позволила профессиональная гордость. Это был вызов его ловкости, мастерству наездника: завоевать себе признание в прериях Техаса не так-то легко.

Морис выразил согласие тем, что ловко соскочил с седла и, передав поводья своей лошади Зебу Стумпу, подошел к крапчатому мустангу.

Молодой охотник не стал терять времени на какие-либо приготовления, он только попросил освободить место. Это было выполнено мгновенно: большая часть гостей, в том числе все дамы, вернулись на асотею.

Морис Джеральд вскочил на спину мустанга только с куском лассо в руках, которое он набросил петлей на его нижнюю челюсть и затянул на голове в виде уздечки.

Впервые дикая лошадь почувствовала на себе человека, в первый раз ей было нанесено подобное оскорбление.

Пронзительное злобное ржание вызвало явный протест против посягательства на свободу.

Лошадь встала на дыбы и несколько секунд сохраняла равновесие в этом положении. Всадник не растерялся и обхватил ее шею обеими руками. С силой сжимая ее горло, он вплотную прильнул к ней. Не сделай он этого, лошадь могла бы броситься на спину и раздавить под собой седока.

После этого мустанг начал бить задом – прием, к которому всегда прибегают в подобных случаях дикие лошади. Это поставило всадника в особенно трудное положение: он рисковал быть сброшенным. Уверенный в своей ловкости, мустангер отказался от седла и стремян, а сейчас они бы ему очень помогли; но укротить оседланную лошадь не сочли бы в прерии за подвиг.

Он справился и так. Когда лошадь стала бить задом, мустангер быстро перевернулся на ее спине, руками обхватил ее за бока и, упершись пальцами ног в ее лопатки, не дал себя сбросить.

Два или три раза повторил мустанг эту попытку, но каждый раз вынужден был уступить ловкости наездника. И наконец, словно поняв тщетность своих усилий, взбешенная лошадь перестала брыкаться и, сорвавшись с места, помчалась таким галопом, словно собиралась унести всадника на край света.

Где-то эта скачка должна была кончиться, но лишь вне поля зрения собравшихся, которые остались на асоте, ожидая возвращения мустангера. Многие высказывали предположения, что он может быть убит или по крайней мере изувечен. Среди присутствующих один человек тайно желал этого, а для другого это было почти равносильно собственной смерти. Почему Луиза Пойндекстер, дочь гордого луизианского плантатора, известная красавица, которая могла бы выйти замуж за самого знатного и богатого человека, почему она позволила себе увлечься или даже просто мечтать о бедном техасском охотнике – это была тайна, которую не могла разгадать даже она сама, несмотря на свой незаурядный ум.

Может быть, она еще не зашла так далеко, чтобы влюбиться. Сама она этого не думала.

Она сознавала только, что в ней вспыхнул какой-то странный интерес к этому удивительному человеку, с которым она познакомилась при таких романтических обстоятельствах и который так сильно отличался от заурядных людей, составлявших так называемое избранное общество.

И она сознавала, что этот интерес, вызванный словом, взглядом, жестом, услышанным или замеченным среди выжженной прерии, вместо того чтобы погаснуть, день ото дня становился все больше.

И сердце Луизы забило сильнее, когда Морис-мустангер снова появился на лошади, но теперь уже не дикой, а укрощенной: она не пыталась сбросить его, а притихла и покорно признала в нем своего хозяина.

Молодая креолка испытала то же чувство, хотя этого никто не заметил и она сама этого не сознавала.

– Мисс Пойндекстер, – сказал мустангер, соскакивая с лошади и не обращая внимания на встретивший его гром рукоплесканий, – могу ли я попросить вас подойти к лошади, набросить ей на шею лассо и отвести в конюшню? Если вы это сделаете, она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого станет покорна вашей воле, стоит вам лишь напомнить ей о том, что впервые лишило ее свободы.

Чопорная красавица возмутилась бы таким предложением, кокетка отклонила бы его, а робкая девушка испугалась бы.

Но Луиза Пойндекстер, правнучка французской эмигрантки, ни минуты не колеблясь, без тени жеманства или страха, встала и покинула своих аристократических друзей. Следуя указаниям мустангера, она взяла веревку, сплетенную из конского волоса, набросила ее на шею укрощенного мустанга и отвела его в конюшню Каса-дель-Корво.

Слова мустангера звучали у нее в ушах, эхом отдаваясь в сердце: «Она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого станет покорна вашей воле, стоит вам лишь напомнить ей о том, что впервые лишило ее свободы».

Глава XIII

Пикник в прерии

Первые розовые лучи восходящего солнца озарили флаг форта Индж; более слабый отблеск упал на плац-парад перед офицерскими квартирами.

Он осветил небольшой фургон, запряженный парой мексиканских мулов. Судя по тому, с каким нетерпением мулы били копытами, вертели хвостами и поводили ушами, можно было заключить, что они давно уже стоят на месте и ждут не дождутся, когда настанет время двинуться в путь. Поведение мулов предупреждало зевак, чтобы они не подходили близко и не попадались им под копыта.

Собственно говоря, зевак и не было, если не считать человека огромного роста, в войлочной шляпе, в котором, несмотря на слабое освещение, нетрудно было узнать старого охотника Зеба Стумпа.

Он не стоял, а сидел верхом на своей старой кобыле, которая проявляла куда меньше желания тронуться в путь, чем мексиканские мулы или ее хозяин.

Но вокруг кипела лихорадочная суeta. Люди быстро сновали взад и вперед – от фургона к дверям дома и затем обратно к фургону.

Их было человек десять; они отличались друг от друга одеждой и цветом кожи. В большинстве это были солдаты нестроевой службы. Двое из них, вероятно, были поварами, а еще двух-трех можно было принять за офицерских денщиков.

Среди них важно расхаживал взад и вперед франтоватый негр; его самоуверенный вид можно было объяснить только тем, что он состоял в лакеях у майора – коменданта форта. Командовал этой пестрой кучкой людей сержант, у которого соответственно его чину были три нашивки на рукаве; ему было поручено нагрузить фургон всякого рода напитками и провизией – короче говоря, всем необходимым для пикника.

Пикник устраивался на широкую ногу, о чем можно было судить по количеству и разнообразию припасов, погруженных в фургон: там стояли корзинки и корзиночки всех видов и размеров и продолговатый ящик с двенадцатью бутылками шампанского; а жестяные банки, выкрашенные в ярко-коричневый цвет, и неизбежные коробки сардин говорили о лакомствах, привезенных в Техас издалека.

Несмотря на обилие вин и всяких деликатесов, один из хлопотавших здесь остался недовольным. Этим разочарованным гурманом был Зeb Стумп.

– Послушай-ка, – обратился он к сержанту, – в этом фургоне чего-то не хватает. Мне сдается, что в прерии найдется кое-кто, кому не по вкусу всякие заграничные штучки, вроде этого шампэня, и кто предпочитает пойло попроще.

– Предпочитает пойло шампанскому? Вы про лошадей говорите, мистер Стумп?

– К черту твоих лошадей! Я не про лошадиное пойло говорю, а про мононгахильское виски.

– А, теперь все понятно! Вы правы, мистер Стумп... Про виски не следует забывать, Помпей. Кажется, там припасена бутылка для пикника.

– Так точно, сержант! – раздался голос чернокожего слуги, приближавшегося с большой бутылкой. – Вот эта самая виски.

Считая, что теперь сборы закончены, старый охотник стал проявлять признаки нетерпения.

– Ну-ка, сержант, все готово? – сказал он, нетерпеливо переминаясь в стременах.

– Не совсем, мистер Стумп. Повар говорит, что нужно еще цыплят дожарить.

– Провались эти цыплята вместе с поваром! Что они стоят по сравнению с диким индюком наших прерий! А как подстрелишь птицу, если солнце пропутешествовало по небу с десяток миль? Майор заказал мне достать хорошего индюка во что бы то ни стало. Черт побери! Это не так-то просто после восхода солнца, да еще когда эта колымага тащится по пятам. Не думайте, сержант, птицы не такие дураки, как солдаты форта. Из всех обитателей прерии дикий индюк самый умный, и, чтобы его провести, нужно встать по крайней мере вместе с солнцем, а то и раньше.

– Верно, мистер Стумп. Я знаю, майор рассчитывает на ваше искусство и надеется попробовать индюка.

– Еще бы! А может, он еще хочет, чтобы я доставил ему язык и окорок бизона, хотя эта скотина в южном Техасе уже лет двадцать как уничтожена? Правда, я слышал, что европейские писатели, а особенно французы, пишут в своих книжках совсем другое... ну, это уж на их совести. В этих краях теперь нет бизонов... Здесь водятся медведи, олени, дикие козлы, много диких индюков, но, чтобы подстрелить дичь к обеду, надо позавтракать до рассвета. Мне необходимо иметь запас времени, иначе я не обещаю вести вашу компанию, да еще по дороге охотиться за индюками. Так вот, сержант, если хочешь, чтобы знатные гости жевали индюка за сегодняшним обедом, давай команду трогаться.

Убедительная речь старого охотника подействовала на сержанта, и он сделал все, что от него зависело, чтобы поскорее двинуться в путь вместе со всеми белыми и черными помощниками. И вскоре после этого обоз с провизией, предводительствуемый Зебом Стумпом, уже двигался через широкую равнину, расстилающуюся между Леоной и Рио-де-Нуэсес.

* * *

Не прошло и двадцати минут после отъезда фургона с провизией, как на плац-параде стало собираться общество, которое выглядело несколько иначе.

Появились дамы верхом на лошадях, но их сопровождали не грумы, как это бывает во время охоты в Англии, а друзья или знакомые, отцы, братья, женихи, мужья. Почти все, кто был на новоселье у Пойндекстера, собрались здесь.

Приехал и сам плантатор, его сын Генри, племянник Кассий Колхаун и дочь Луиза. Молодая девушка была верхом на крапчатом мустанге, который привлек к себе общее внимание на празднике в Каса-дель-Корво.

Пикник устраивался, чтобы отблагодарить Пойндекстера за его гостеприимство; майор и офицеры были хозяевами, плантатор и его друзья – приглашенными; для увеселения гостей решили устроить охоту за дикими лошадьми – великолепное, редкостное зрелище.

Местом для такой охоты могла быть только прерия, где водились дикие мустанги, – милях в двадцати к югу от форта Индж. Поэтому и нужно было отправиться в путь пораньше и взять достаточное количество провизии.

Как только солнечные лучи заиграли на зеркальной глади Леоны, участники пикника уже готовы были отправиться в путь в сопровождении двадцати драгун, которым было отдано распоряжение держаться позади. Как и у слуг, у них был свой проводник, но не старый следопыт в выцветшей куртке, в поношенной войлочной шляпе, верхом на кляче, а молодой всадник в живописном костюме, на великолепном коне, вполне достойный быть проводником такого изысканного общества.

– Пора, Морис! – крикнул майор, видя, что все уже в сборе. – Мы готовы следовать за вами... Леди и джентльмены! Этот молодой человек прекрасно знает повадки и привычки диких лошадей. Никто в Техасе не сможет лучше показать нам охоту на них, чем Морис-мустангер.

– Я не заслуживаю таких похвал, – ответил молодой ирландец, вежливо поклонившись обществу. – Я только обещаю показать вам, где водятся мустанги.

«Как он скромн!» – подумала Луиза, вся дрожа при одной только мысли о том, чему боялась верить.

– Поехали! – скомандовал майор, и веселая кавалькада во главе с Морисом Джеральдом тронулась в путь.

* * *

Для жителей Техаса проехать до завтрака двадцать миль по прерии сушая безделица.

Не прошло и трех часов, как кавалькада достигла цели своего путешествия, которое прошло вполне благополучно, если не считать того, что под конец все сильно проголодались.

К счастью, фургон с провизией не заставил себя ждать, и еще задолго до полудня оживленная компания расположилась закусить в тени огромного дерева на берегу Рио-де-Нуэсес.

В пути ничего особенного не произошло. Мустангер в роли проводника скакал, как всегда, впереди; остальные участники пикника, не считая одного или двух, почти не замечали его, за исключением тех случаев, когда он поражал всех своим мастерством наездника, легко перескакивая ручьи или овраги, в то время как другие искали брода или объезжали препятствие.

Можно было бы заподозрить его в хвастовстве – в желании порисоваться. Кассий Колхаун высказал такое мнение. Возможно, что на этот раз отставной капитан сказал правду.

Но кто стал бы осуждать за это мустангера? Были ли вы когда-нибудь на охоте в Англии, где со всех сторон горделиво кивают шляпы с перьями и по траве тянутся шлейфы amazонок? Вы говорите, что были, и что же? Будьте осторожны и не упрекайте напрасно техасского мустангера. Подумайте, он ведь был под огнем двадцати пар прекрасных глаз – некоторые из них сияли, как звезды. Вспомните, что среди них были глаза Луизы Пойндекстер, и едва ли вы будете удивляться желанию мустангера блеснуть.

И некоторые другие всадники с не меньшей настойчивостью стремились показать свою удаль и мужество. Молодой драгун Генкок не раз старался доказать, что он не новичок в верховой езде, а лейтенант стрелковых войск время от времени покидал племянницу интенданта, чтобы продемонстрировать свое искусство наездника; а когда он слышал восхищенный шепот, он не всегда смотрел в сторону той, которой, по мнению всех, было отдано его сердце.

О, дочь Пойндекстера! И в салонах цивилизованной Луизианы, и в прериях дикого Техаса твое присутствие вызывает бурю. Где бы ты ни появилась, пробуждаются романтические мечты и начинают бушевать страсти.

Глава XIV

Манада

Будь Морис Джеральд полным властелином прерии и если бы все обитатели ее были покорны ему, он не мог бы выбрать более удачного места для охоты за дикими лошадьми, чем то, к которому он привел путешественников.

Едва лишь запенилось в бокалах вино из немецких погребков Сан-Антонио и синева неба стала казаться глубже, а зелень еще изумруднее, как внезапный крик «*Mustenos!*» заглушил гул голосов, и полувысказанные признания были прерваны взрывом веселого смеха. Это крикнул мексиканский вакеро, который был послан дозорным на холм неподалеку.

Морис, приглашенный к столу в качестве гостя, быстро допил свой стакан и, вскочив на лошадь, крикнул:

– *Cavallada*?²⁵

– Нет, – ответил мексиканец, – тапайа.

– Что они там болтают? – спросил Колхаун.

– *Mustenos* – по-мексикански значит «мустанги», – ответил майор, – а манадой они называют табун диких кобыл. В эту пору кобылы держатся вместе, отдельно от жеребцов, если только...

– Если что? – нетерпеливо спросил капитан Колхаун, прерывая объяснение.

– Если только на них не нападают ослы, – ответил майор.

Все засмеялись.

Между тем манада приближалась.

– На коней! – раздались со всех сторон голоса.

Едва ли можно было успеть сосчитать до ста, как удила были уже во рту лошадей, не успевших прожевать кукурузу, уздечки переброшены через их плечи, еще влажные от быстрой скачки в духоте тропического утра, и все были уже в седлах, готовые мчаться вперед.

В это время дикий табун появился на гребне возвышенности, на которой только что стоял дозорный. А он – мустангер по профессии – был уже в седле и в одно мгновение оказался среди табуна, пытаясь набросить лассо на одного из мустангов. Дико храпя, лошади мчались бешеным галопом, словно спасаясь от какого-то страшного преследователя. Все время испуганно косясь назад, не замечая ни фургона, ни всадников, они неслись вперед.

– За ними кто-то гонится, – сказал Морис, заметив беспокойное поведение животных. – Что там такое, Кресиано? – крикнул он мексиканцу, которому с холма было видно, кто преследует табун.

В ожидании ответа все притихли. На лицах многих отразились тревога и даже страх. Не индейцы ли гонятся за мустангами?

– *Un asino cimmaron*, – послышался малоутешительный ответ мексиканца. – *Un macho*²⁶, – прибавил он.

– Да, так я и думал. Надо остановить негодя, иначе он испортит нам всю охоту. Когда дикий осел гонится за табуном, мустангов не остановишь никакими силами. Далеко ли он?

– Совсем близко, дон Морисио. Он бежит прямо на меня.

– Попробуй набросить на него лассо. Если не удастся, стреляй. От него надо избавиться.

Почти никто из присутствующих не понял, кто преследует лошадей. Только мустангер знал, что означают слова: «*Un asino cimmaron*».

²⁵ *Cavallada* (исп.) – стадо диких жеребцов.

²⁶ Дикий осел. Самец (исп.).

– Объясните, Морис, в чем дело, – сказал майор.

– Посмотрите туда, – ответил мустангер, указывая на вершину холма.

Этих двух слов было достаточно. Все взоры устремились на гребень холма, где с быстротой птицы неслось животное, считающееся образцом медлительности и глупости.

Дикий осел очень сильно отличался от своего забитого собрата – домашнего осла; он был почти такой же величины, как мустанги, за которыми он гнался. Если он и не бежал быстрее самого быстрого из них, то, во всяком случае, не отставал. Эта живая картина возникла на фоне зеленой прерии с молниеносной быстротой. Наблюдавшие не успели обменяться и несколькими словами, как дикие кобылы оказались почти рядом с ними. Тут, точно впервые заметив группу всадников, мустанги забыли о своем ненавистном преследователе и повернули в сторону.

– Леди и джентльмены! Оставайтесь на месте! – закричал Джеральд, обращаясь к всадникам, пробовавшим сдерживать своих лошадей. – Я знаю, где излюбленное пастбище этого табуна. Мустанги помчались туда. Мы отправимся за ними, и там у нас будет хорошая возможность поохотиться. Если же мы начнем охоту сейчас, они скроются вон в тех зарослях, и тогда мы вряд ли их снова увидим... Ну-ка, сеньор Креспино! Пусти пулю в этого негодяя. Ведь он на расстоянии выстрела, не так ли?

Мексиканец снял с седла свое короткоствольное ружье, быстро вскинул его, прицелился и выстрелил в дикого осла.

Осел заревел, но это был, видимо, только вызов с его стороны. Он остался невредим: Креспино промахнулся.

– Надо остановить его, – воскликнул Морис, – иначе он будет гнаться за мустангами до самой ночи!

Резким движением мустангер прищипорил лошадь. Как стрела помчался Кастро в погоню за ослом, который, невзирая ни на что, продолжал свое преследование.

Морис поскакал наперерез ослу – гнедой вынес хозяина на расстояние, с которого можно было бросить лассо. Еще мгновение – и петля с молниеносной быстротой просвистела над длинными ушами.

Бросая лассо, Морис сделал полуоборот, – Кастро повернулся, как будто на шарнирах, и затем так же послушно остановился и весь напрягся, ожидая рывка.

Все затаили дыхание, когда осел, кинувшись вперед, натянул веревку. Потом он поднялся на дыбы и тяжело опрокинулся на спину, точно пораженный пулей в самое сердце.

Однако осел был еще жив – туго затянувшаяся вокруг его шеи петля только придушила его. Острым мачете²⁷ мексиканец перерезал ему горло.

* * *

Это происшествие задержало начало охоты. Все ждали, что же теперь предпримет Морис-мустангер.

Он соскочил с седла и подошел к убитому ослу, чтобы взять свое лассо. Но тут в движениях ирландца почувствовалась поспешность, очевидно вызванная какой-то новой тревогой.

Он бросился к своему коню.

Только немногие из присутствующих заметили неожиданную торопливость мустангера – большинство были заняты своими испуганными лошадьми. Те же, кто заметил, были удивлены. Мустангер незадолго перед этим сам уговаривал их не торопиться. Они не видели причины для такой резкой перемены в его поведении, разве только она была вызвана тем, что Луиза

²⁷ *Мачёте* (исп.) – большой, тяжелый нож.

Пойндекстер, внезапно отделившись от группы всадников, понеслась бешеным галопом, как будто решив перегнать всех в погоне за табуном.

Но охотник за дикими лошадьми знал, что это не так. Такой невежливый поступок едва ли был намеренным со стороны всадницы. Скорее в нем был повинен крапчатый мустанг. Морис заметил, что промчавшаяся манада была та самая, к которой мустанг еще недавно принадлежал. Несомненно, увидев товарищей, он помчался со своей всадницей на спине, чтобы присоединиться к ним.

Так думал Морис-мустангер, скоро и остальные пришли к тому же выводу.

В рыцарском порыве вслед за девушкой бросились почти все охотники – впереди Колхаун, Генкок и Кроссмен, а за ними около десятка молодых людей – плантаторов, адвокатов, чиновников. Каждый мечтал о том, что ему повезет и он догонит беглянку.

Однако почти никто из них не был серьезно встревожен – все знали, что Луиза Пойндекстер прекрасная наездница; перед ней расстилалась огромная равнина, гладкая, как дорожка ипподрома; мустанг будет скакать, пока не устанет; сбросить всадницу он не может; вряд ли Луизе грозит серьезная опасность...

Только один человек не разделял этого мнения. Он первый проявил тревогу – это был сам мустангер.

Он тронулся с места последним, так как задержался, свертывая лассо. Когда он вскочил в седло и понесся вдогонку, между ним и остальными охотниками было уже около двухсот ярдов.

Впереди всех сломя голову мчался Колхаун, не щадя ни себя, ни своего коня; драгун и стрелок несколько отстали; сзади скакали остальные участники состязания.

Морис постепенно обогнал всех и, прищипорив своего коня, поскакал впереди капитана.

Когда гнедой заслонил удалявшегося крапчатого мустанга, Колхаун, шипя от злости, послал ему вслед проклятие.

Полуденное солнце осветило совершенно необычную картину. Табун диких лошадей мчался с невероятной быстротой по обширной прерии. Лошадь из этого табуна с девушкой на спине следовала за ними на расстоянии четырехсот ярдов. На таком же расстоянии от нее на гнедом коне скакал молодой человек в живописном мексиканском наряде, стараясь догнать ее; позади него – целая вереница всадников, штатских и военных. А позади всех мчался полным галопом эскадрон драгун, только что отделившийся от группы возбужденно жестикулировавших мужчин и женщин, которые тоже сидели на лошадях, но не двигались с места.

Через двадцать минут картина изменилась. Действующие лица на великолепном зеленом ковре прерии были те же, а их расположение стало иным, во всяком случае, расстояние между ними увеличилось: манада выиграла расстояние у крапчатого мустанга, крапчатый мустанг – у гнедого, а соперников последнего уже совсем не было видно, и лишь парящий в сапфировом небе орел мог различить их своим зорким глазом.

Дикие лошади, крапчатый мустанг со своей всадницей, гнедой конь и его всадник остались одни среди простора саванны.

Глава XV

Беглянка настигнута

На протяжении еще одной мили погоня продолжалась без особых перемен.

Дикие кобылы мчались по-прежнему быстро, но больше уже не визжали и не проявляли страха. Позади слышалось отрывистое ржание крапчатого мустанга, но бывшие подруги как будто не замечали его. Всадница сидела спокойно, не проявляя тревоги.

Гнедой был встревожен, хотя и не так, как его хозяин, который, казалось, был близок к отчаянию.

– Быстрей, Кастро! – воскликнул Морис с некоторым раздражением в голосе. – Что с тобой сегодня? Не забывай, что ты догнал ее в прошлый раз, хотя и с трудом. Но ведь теперь она с седоком. Посмотри туда, глупое животное! Эта всадница мне дороже всего на свете, за нее я отдал бы и твою и свою жизнь... Ну, быстрей же! Быстрей! Что, если я потеряю ее из виду? Это в самом деле начинает выглядеть неприятно! Она может попасть в очень трудное положение. Хуже того: ей грозит опасность. Серьезная опасность. Если я потеряю ее из виду, наверняка случится беда.

Рассуждая шепотом сам с собой, Морис мчался, не отрывая глаз от все удаляющейся всадницы. По временам он измерял беспокойным взглядом разделявшее их пространство.

«Не закричать ли? – вдруг мелькнуло у него в голове. – Звук голоса, может быть, и долетит до нее, но вряд ли она расслышит слова и поймет предостережение». И Морис не окликнул Луизу не только из этих соображений – он не терял еще надежды с минуты на минуту догнать ее, а кроме того, он знал, что не словами, а только действием можно остановить мустанга.

Пока он подбадривал себя мыслью, что вот-вот приблизится настолько, что сможет накинуть лассо на шею мустанга и заставить его повиноваться... Однако теперь надежда постепенно угасала.

Они неслись сейчас среди перелесков, густо покрывавших здесь прерию и местами сливавшихся в сплошные заросли. Это вызвало у мустангера новую тревогу. Крапчатая кобыла могла свернуть в какую-нибудь чашу или просто исчезнуть из виду среди зарослей.

Диких кобыл уже почти не было видно. Вряд ли их бывшая подруга сможет догнать табун.

Однако опасность от этого не уменьшится. Заблудится ли девушка в прерии или в лесной чаще или же окажется среди табуна диких лошадей – все это одинаково страшно. И вдруг он подумал о еще более грозной опасности, такой страшной, что, охваченный сильнейшей тревогой, воскликнул:

– Силы небесные! Что, если сюда забегут жеребцы?! Ведь это их излюбленное место. Они были здесь неделю назад. А сейчас, именно в этом месяце, они бесятся!

Снова шпоры мустангера вонзились в бока гнедого. Кастро, мчавшийся во весь опор, повернул голову и с упреком посмотрел на хозяина.

В эту напряженную минуту гнедой и его хозяин потеряли диких кобыл из виду, и крапчатый мустанг, вероятно, тоже. Ничего сверхъестественного в этом не было – они скрылись в чаще.

Исчезновение табуна произвело на крапчатого мустанга магическое действие – он вдруг замедлил шаг и через минуту совсем остановился.

Морис, шпоря своего коня, галопом вылетел на поляну и увидел, что крапчатый мустанг стоит там неподвижно, а Луиза невозмутимо сидит в седле, словно поджидая мустангера.

– Мисс Пойндекстер! – с трудом выговорил он, подъезжая. – Как я рад, что лошадь снова покорна вам! Я был очень обеспокоен...

– Чем, сэр? – спросила девушка.

– Той опасностью, которая грозила вам, – ответил он, несколько озадаченный.

– О, благодарю вас, мистер Джеральд! Но разве мне грозила опасность?

– «Грозила опасность»! – повторил ирландец с возрастающим изумлением. – Верхом на дикой лошади, которая понесла, среди пустынной прерии!..

– Пустыни! Вы думаете, она могла меня сбросить? Но ведь я хорошая наездница.

– Я это знаю, мисс Пойндекстер, но представьте себе, что вы заблудились бы в зарослях, где и коренной техасец с трудом находит дорогу, вряд ли вам помогло бы тогда ваше искусство наездницы.

– О, так вы думали, что я заблудилась? Вот чего мне надо было опасаться!

– Не только этого. Предположим, вы могли столкнуться с...

– ...с индейцами? – быстро проговорила Луиза, не дав мустангеру закончить фразу. – А если бы это и случилось? Ведь у нас теперь мир с команчами. Я думаю, что они не причинили бы мне никакого вреда. Так сказал майор, когда мы ехали сюда. Даю вам слово, что я была бы даже рада такой встрече и, во всяком случае, не стала бы избегать ее. Как бы мне хотелось видеть этих благородных дикарей, мчащихся верхом на лошадях по родной прерии!

– Я восхищен вашей отвагой, мисс Пойндекстер, но, если бы я имел честь быть одним из ваших друзей, я посоветовал бы вам быть немного осторожнее. «Благородные дикари» не всегда бывают трезвыми и в прерии и не всегда столь благородны, как вы думаете. И если бы вы повстречались с ними...

– ...и они бы вздумали напасть на меня, я стрелой бы промчалась мимо и вернулась бы к своим друзьям. На таком быстром создании, как моя милая Луна, вряд ли кому удастся догнать меня. Ведь и вам, мистер Джеральд, нелегко это далось? Не правда ли?

Мустангер смотрел на креолку широко открытыми глазами, полными изумления и восхищения.

– Неужели вы хотите сказать, – наконец вымолвил он, – что могли остановить мустанга? Разве он не понес вас? Значит ли это, что...

– Нет, нет, нет! – быстро ответила всадница, немного смутившись. – Мустанг действительно понес меня, но только вначале, а потом я... я увидела – уже под конец, – что могу остановить его, натянув поводья. Я так и поступила – вы ведь видели, не правда ли?

– И вы могли остановить его раньше?

Этот вопрос был вызван неожиданной догадкой, и мустангер с волнением ждал ответа.

– Быть может... Стоило мне покрепче натянуть поводья... Но должна признаться, мистер Джеральд, что я очень люблю мчаться быстрым галопом, в особенности по прерии, где нет опасности раздавить чью-нибудь курицу или поросенка. По правде сказать, – продолжала девушка с чарующей простотой, – я не жалела о том, что лошадь понесла. Пустая болтовня и бесконечные комплименты утомят кого угодно. Мне захотелось подышать свежим воздухом и побыть одной. Так что, в конце концов, мистер Джеральд, все вышло очень удачно.

– Вам хотелось побыть одной? – спросил мустангер с разочарованным видом. – Простите, что я нарушил ваше уединение. Уверю вас, мисс Пойндекстер, я следовал за вами только потому, что, по моему мнению, вам грозила опасность.

– Это очень любезно с вашей стороны, сэр. И, так как теперь я знаю, что опасность действительно была, я искренне благодарна вам. Вы ведь имели в виду индейцев?

– Нет, я, собственно, думал не об индейцах.

– Какая-нибудь другая опасность? Скажите, пожалуйста, какая, и впредь я буду более осторожна.

Морис ответил не сразу. Неожиданный звук заставил его обернуться, он словно не слышал вопроса собеседницы.

Креолка поняла, что внимание мустангера чем-то отвлечено, и тоже стала прислушиваться. До ее слуха донесся пронзительный визг, за ним еще и еще, потом послышался топот копыт... Звуки нарастали, сотрясая тихий воздух.

Для охотника за лошадьми это не было загадкой, и слова, которые сорвались с его уст, были прямым ответом на вопрос креолки.

– Дикие жеребцы! – воскликнул он взволнованным голосом. – Я знал, что они должны быть в этих зарослях... Так оно и есть!

– Это та опасность, о которой вы говорили?

– Да.

– Но ведь это только мустанги! Что же в них страшного?

– Обычно их нечего бояться. Но именно теперь, в это время года, они становятся свирепыми, как тигры, и такими же коварными. Поверьте мне, что разъяренный дикий жеребец опаснее волка, пантеры или медведя.

– Что же нам делать? – спросила в испуге Луиза и подъехала поближе к человеку, который однажды уже выручил ее из беды; с тревогой глядя ему в глаза, она ждала ответа.

– Если они нападут, – ответил Морис, – у нас будет только два выхода. Первый – это взобраться на дерево, бросив наших лошадей на растерзание.

– А второй? – спросила креолка со спокойствием, которое говорило о мужестве, способном выдержать самое тяжелое испытание. – Все, что угодно, только бы не оставлять наших лошадей! Это недостойный выход из положения.

– Мы и не можем этого сделать. Поблизости не видно ни одного подходящего дерева, и, если они на нас нападут, нам остается только положиться на быстроту наших лошадей. К сожалению, – продолжал он, внимательно осматривая крапчатую кобылу, а затем своего коня, – им слишком много досталось за сегодняшний день, и оба сильно устали. В этом-то и беда. Дикие жеребцы вряд ли утомлены...

– Не пора ли нам трогаться?

– Пока нет. Чем больше наши лошади отдохнут, тем лучше. Жеребцы, может быть, еще и не свернут в нашу сторону. А если и свернут, это еще не значит, что они на нас бросятся. Все зависит от того, в каком они настроении. Если они грызутся между собой, то могут напасть на нас. Они становятся тогда бешеными и бросаются на своих собратьев, даже если у тех седоки на спине... Да, так оно и есть! Они дерутся между собой. Слышите, как они ржут? Они направляются сюда!

– Мистер Джеральд, так почему бы нам сейчас же не поскакать в противоположную сторону?

– Сейчас нет смысла. Впереди – открытая равнина, и скрыться негде. Они будут там, прежде чем мы успеем отъехать на достаточное расстояние, и скоро догонят нас. Место, куда мы должны направиться, – единственное безопасное место, о котором я могу вспомнить, – лежит в другом направлении. Судя по звукам, они сейчас как раз отрезали нам дорогу туда. Если мы выедем слишком рано, то столкнемся с ними. Нам надо выждать, а потом попытаться проскользнуть позади них. Если нам это удастся и если они не догонят нас на протяжении двух миль, то мы достигнем места, где будем в не меньшей безопасности, чем за изгородью короля в Каса-дель-Корво. Уверены ли вы, что справитесь с вашим мустангом?

– Вполне, – быстро ответила креолка.

Глава XVI

Преследуемые дикими мустангами

Всадники настороженно сидели в своих седлах. Луиза волновалась меньше, чем мустангер, потому что она доверилась ему. Она не вполне понимала, какая опасность им грозит, но догадывалась, что опасность эта очень серьезна, раз такой человек, как Морис Джеральд, проявляет тревогу. Сознание, что эта тревога отчасти вызвана страхом за нее, вопреки всему, наполняло ее сердце радостью.

– Теперь, пожалуй, мы можем рискнуть, – еще раз прислушавшись, сказал Морис. – Они как будто уже миновали ту поляну, через которую лежит наш путь. Умоляю, будьте внимательны! Твердо сидите в седле и крепко держите поводья. Там, где дорога позволит, скачите со мной рядом и ни в коем случае не отставайте больше чем на длину хвоста моей лошади. Мне придется ехать впереди, чтобы показывать путь... Вот они направились к нашей поляне... Почти достигли ее края... Теперь пора!

В торжественную тишину прерии вдруг ворвался неистовый шум, словно из сумасшедшего дома. Пронзительное ржание диких жеребцов напоминало крики буйных маньяков, только эти звуки были во много раз сильнее. Им вторил громовой топот копыт, свист и треск ломающихся веток, дикое храпенье, сопровождаемое резким лязганьем зубов.

Эти звуки свидетельствовали о неистовой схватке диких жеребцов. Их еще не было видно, но они приближались, пробиваясь сквозь заросли и ни на мгновение не прекращая драки.

Едва Морис подал знак трогаться, как пестрый табун диких лошадей появился в узком проходе между зарослями. Еще мгновение – и с неудержимостью горной лавины они вырвались на открытую поляну.

Это была живая лавина самых красивых созданий, которые только существуют в природе, – ибо даже человек должен уступить им первое место. Я не говорю о замученной лошади цивилизованного мира, лошади с худой спиной, кривыми ногами и опущенной головой, лошади, изуродованной ножницами барышника или грума, – нет, речь идет о дикой лошади саванны, рожденной среди зеленых просторов и выросшей на свободе, как полевой цветок.

Нет более великолепного зрелища, чем табун диких жеребцов, скачущих по прерии. Но это прекрасное зрелище пугает человека – оно слишком страшное, чтобы им можно было спокойно любоваться. Особенно когда зритель смотрит на табун диких мустангов с открытого места и рискует сам стать жертвой их нападения.

Вот что грозило всаднику на гнедом коне и всаднице на крапчатом мустанге. Всадник по опыту знал, как опасно такое положение; всадница же не могла не догадаться об этом.

– Сюда! – крикнул Морис и пришпорил коня, чтобы обогнуть табун. – О боже! Они заметили нас! Скорей, скорей, мисс Пойндекстер! Помните, что дело идет о вашей жизни!

Но слова были излишни. Поведение жеребцов достаточно убедительно показывало, что только быстрота может спасти крапчатого мустанга и его всадницу.

Выскочив на открытое место и увидев оседланных лошадей, дикие жеребцы внезапно прекратили свою драку. Они остановились, словно по приказу опытного жоака, и вытянулись в один ряд, как кавалерийский эскадрон, остановленный в пылу атаки.

На время их взаимная ненависть, казалось, была забыта, как будто они собирались напасть на общего врага или же сопротивляться общей опасности.

Задержка, возможно, произошла от удивления: но, так или иначе, она была на руку беглецам. В эти несколько секунд всадникам удалось обогнуть неприятеля и очутиться у него в тылу, на пути к спасению.

Однако только на пути к спасению. Удастся ли им ускользнуть от преследователей, оставалось неясным, потому что дикие жеребцы, заметив их хитрость, храпя и визжа, бросились за ними с явным намерением догнать.

Началась стремительная, безудержная погоня через просторы прерии, отчаянное состязание в быстроте между лошадьми без седоков и лошадьми с седоками.

Время от времени Морис оглядывался, и, хотя расстояние, которое им удалось выиграть вначале, не уменьшалось, выражение его лица по-прежнему было тревожным. Будь он один, он не беспокоился бы ни минуты. Он знал, что гнедой – ведь он был тоже мустангом – никому не даст себя обогнать. Беда была в том, что Луна замедляла бег – она скакала медленнее, чем когда бы то ни было, как будто вовсе не хотела спастись от преследователей.

«Что это может означать? – недоумевал мустангер, сдерживая лошадь, чтобы не обгонять свою спутницу. – Если нас что-нибудь задержит при переправе, мы погибнем. Дорога каждая секунда».

– Они еще не догоняют нас, не так ли? – спросила Луиза, заметив, что мустангер встревожен.

– Пока еще нет. К несчастью, впереди серьезное препятствие. Я знаю, что вы прекрасная наездница, но ваша лошадь... В ней я не уверен. Вы ее лучше знаете. Сможет ли она перепрыгнуть через...

– Через что, сэр?

– Вы сейчас увидите. Мы уже недалеко от этого места.

И они продолжали скакать бок о бок галопом, делая почти милю в минуту.

Как и говорил мустангер, они скоро увидели препятствие. Это был огромный овраг, зияющий среди необозримой прерии. Он был не менее пятнадцати футов в ширину, столько же в глубину и тянулся в обе стороны, насколько хватал глаз. Если бы всадники повернули направо или налево, это дало бы жеребцам возможность сократить путь по диагонали; дать им это преимущество было равносильно самоубийству.

Овраг необходимо перескочить, иначе мустанги настигнут их. Только прыжок в пятнадцать футов длиной мог спасти беглецов. Морис знал, что гнедой не подведет – ему не раз приходилось делать такие прыжки. Но крапчатая кобыла?

– Как вы думаете, сможет ли она взять это препятствие? – с беспокойством спросил мустангер, когда они подъехали к отвесному краю оврага.

– Не сомневаюсь, – уверенно ответила Луиза.

– Но удержитесь ли вы на ней?

– Ха-ха-ха! – иронически засмеялась креолка. – Это очень странный вопрос для ирландца. Я уверена, что ваши соотечественники сочли бы эти слова оскорблением. Даже я, уроженка болотистой Луизианы, не считаю их слишком любезными. Удержусь ли я? Да я удержусь на ней, куда бы она меня ни понесла!

– Но, мисс Пойндекстер, – пробормотал Морис, все еще не доверяя силам крапчатого мустанга, – а вдруг она не справится? Если вы хоть сколько-нибудь в ней сомневаетесь, не лучше ли оставить ее здесь? Я знаю, что моя лошадь легко перенесет нас обоих на ту сторону. Пожертвовав мустангом, мы, вероятно, избавимся и от дальнейших преследований. Дикие жеребцы...

– Оставить Луну! Бросить ее на растерзание бешеным жеребцам! Нет-нет, мистер Джеральд! Мой мустанг мне слишком дорог. Мы вместе перескочим пропасть, если только сможем. А если нет, то вместе сломаем себе шею... Ну, моя хорошая! Летим! Вот тот, кто охотился за тобой, поймал и покорила тебя. Покажи ему, что ты еще не совсем поработана, что ты можешь,

если нужно, сбросить с себя дружеское или вражеское иго. Покажи ему один из тех прыжков, которые мы так часто с тобой делали за последнюю неделю. Ну, милая, летим!

И отважная креолка, не дожидаясь ободряющего примера, смело подскакала к краю зияющего оврага и взяла это препятствие одним из тех прыжков, которые они с Луной «так часто делали за последнюю неделю».

У мустангера было три мысли – вернее, три чувства, когда он следил за этим прыжком. Первое из них – изумление, второе – преклонение, третье не так просто было определить. Оно зародилось, когда прозвучали слова: «Мой мустанг мне слишком дорог».

«Почему?» – задумался он, когда летел на гнедом через пропасть.

Но как ни блестяще удалась переправа, она не обеспечила безопасность беглецам. Диких жеребцов овраг остановить не мог. Морис это хорошо знал и оглядывался назад с не меньшей тревогой, чем раньше.

Пожалуй, он был встревожен еще сильнее. Задержка, хотя и очень незначительная, дала преимущество их преследователям. За все время погони жеребцы еще ни разу не были так близко. Они перелетят через овраг без всякого промедления одним уверенным прыжком.

А что тогда? Мустангер задал себе этот вопрос и побледнел, не находя ответа.

Взяв препятствие, мустангер не остановился ни на секунду и продолжал скакать галопом; позади него совсем близко, как и раньше, скакала его спутница. Однако в движениях ирландца не было прежней уверенности – казалось, он колеблется и никак не может прийти к решению.

Едва отъехав от оврага, Морис натянул поводья и повернул коня, как будто решил скакать обратно.

– Мисс Пойндекстер, – сказал он своей спутнице, которая уже успела поравняться с ним, – поезжайте вперед одна.

– Но почему, сэр? – спросила она, дернув уздечку и резко остановив мустанга.

– Если мы не расстанемся, жеребцы нас догонят. Надо что-то предпринять, чтобы остановить взбесившийся табун. Сейчас еще есть одна возможность. Ради бога, не задавайте вопросов! Десять потерянных секунд – и будет уже поздно. Посмотрите вперед – видите блестящую поверхность воды? Это пруд. Скачите прямо туда. Там вы очутитесь между двумя высокими изгородами. У пруда они сходятся. Вы увидите ворота и около них жерди. Если я не подспею, скачите прямо в этот загон, сойдите с лошади и загородите вход жердями.

– А вы, сэр? Вы подвергаетесь большой опасности...

– Не бойтесь за меня. Один я ничем не рискую. Если бы не крапчатый мустанг... Скорее же, вперед! Не упускайте из виду пруда. Пусть он служит вам маяком. Не забудьте загородить вход в загон. Скорее же! Скорее!

Одну-две секунды девушка колебалась, не решаясь расстаться с человеком, который ради ее спасения готов был отдать свою жизнь.

К счастью, она не принадлежала к числу робких девиц, которые в трудную минуту теряют голову и тянут ко дну своего спасителя. Она верила своему советчику, верила в то, что он знает, как поступить, и, снова пустив лошадь галопом, направилась к пруду. А Морис повернул свою лошадь и поскакал назад, к оврагу, через который они только что перескочили.

Расставшись со своей спутницей, мустангер вынул из седельной сумки самое совершенное оружие, которое когда-либо поднималось против обитателей прерии – для атаки или защиты, – против индейцев, бизонов или медведей. Это был шестизарядный револьвер системы полковника Кольта. Не какая-нибудь дешевая подделка, под видом усовершенствования, фирмы Дина, Адамса и им подобных, а подлинное изделие «страны мускатных орехов»²⁸ с клеймом «Хартфорд» на казенной части.

²⁸ Страной мускатных орехов называется в Америке штат Коннектикут, где в городе Хартфорде находится оружейный завод.

– Они будут прыгать в том же узком месте, где и мы, – пробормотал он, следя за табуном, все еще находившимся по ту сторону. – Если мне удастся уложить хоть одного из них, это может остановить других или задержать их настолько, что мустанг успеет ускакать. Их вожак – вот этот гнедой жеребец. Он, конечно, прыгнет первым. Мой револьвер бьет на сто шагов. Теперь пора!

Едва успели прозвучать последние слова, как раздался треск револьвера. Самый крупный из жеребцов – гнедой – покатился по траве, преградив путь остальным.

Несколько мустангов, мчавшихся за ним, сразу остановились, а потом и весь табун.

Мустангер не стал следить за дальнейшим поведением жеребцов и больше не стрелял. Воспользовавшись их замешательством и не теряя времени, он повернул на запад и поскакал вслед за крапчатым мустангом, который уже приближался к сверкающему пруду.

Дикие жеребцы больше не преследовали беглецов – возможно, гибель вожака испугала их или им помешал его труп, загородивший путь в единственном месте, где можно было перескочить через овраг.

Морис спокойно скакал за своей спутницей.

Он догнал ее у самого пруда. Она точно выполнила все его указания, за исключением одного. Вход был открыт, жерди валялись на земле. Девушка все еще сидела в седле, – она не находила слов, чтобы выразить Морису свою благодарность.

Опасность миновала.

Глава XVII

Ловушка для мустангов

Теперь, когда им больше ничто не грозило, молодая креолка с интересом огляделась вокруг.

Она увидела небольшое озеро, или, говоря по-техасски, пруд; берега его были покрыты бесчисленными следами лошадиных копыт – по-видимому, это было любимое место водопоя мустангов. Высокая изгородь из жердей окружала водоем и двумя расходящимися крыльями тянулась далеко в прерию, образуя как бы воронку, в самой горловине которой были ворота; когда их загораживали жердями, они замыкали изгородь, и лошади не могли ни войти, ни выйти.

– Что это? – спросила девушка, указывая на изгородь.

– Это ловушка для мустангов, – сказал Морис.

– Ловушка для мустангов?

– Кораль для ловли диких лошадей. Они бродят между крыльями изгороди, которые, как вы видите, далеко уходят в прерию. Их привлекает вода, или же мустангеры просто загоняют их сюда. Тогда вход в кораль загораживается, и здесь их уже нетрудно поймать.

– Бедные животные! Этот кораль принадлежит вам? Ведь вы мустангер? Вы нам так сказали?

– Да, я мустангер, но не охочусь этим способом. Я люблю одиночество и редко работаю вместе с другими мустангерами, поэтому я не могу пользоваться коралем, для которого нужно по крайней мере двадцать загонщиков. Мое оружие, если только можно его так назвать, – вот это лассо.

– Вы так искусно им владеете! Я слыхала об этом, да и сама видела.

– Вы очень добры. Однако я не заслуживаю этой похвалы. В прериях есть мексиканцы, которые словно родились с лассо в руках. И то, что вы называете искусством, показалось бы им просто неповоротливостью.

– Мне кажется, мистер Джеральд, что вы из скромности переоцениваете своих соперников. Я слышала совсем другое.

– От кого?

– От вашего друга мистера Зебулона Стумпа.

– Ха-ха! Старый Зеб – плохой авторитет, когда дело касается лассо.

– Я бы хотела тоже научиться бросать лассо, – сказала молодая креолка, – но говорят, что это занятие для девушки неприлично. Не понимаю, что в нем плохого, а это так интересно!

– Неприлично? Это такой же невинный спорт, как катанье на коньках или стрельба из лука. Я знаком с одной девушкой, которая прекрасно владеет этим искусством.

– Она американка?

– Нет, мексиканка и живет на Рио-Гранде. Иногда она приезжает к нам на Леону: здесь живут ее родственники.

– Она молодая?

– Да, примерно ваша ровесница, мисс Пойндекстер.

– Высокая?

– Немного ниже вас.

– Но, конечно, гораздо красивее? Я слыхала, что мексиканки своей красотой намного превосходят нас, американок.

– Мне думается, что креолки не входят в эту категорию, – с изысканной вежливостью ответил ирландец.

– Интересно, смогла бы я научиться бросать лассо? – продолжала молодая креолка, как будто не заметив комплимента. – Не поздно ли мне за это браться? Я слыхала, что мексиканцы начинают с детства, поэтому они и достигают такой удивительной ловкости.

– Конечно, не поздно, – поспешил ответить Морис. – Пройдет год-два, и вы научитесь хорошо бросать лассо. Я, например, всего лишь три года занимаюсь этим делом, и...

Он замолчал, так как ему не хотелось показаться хвастуном.

– А теперь вы владеете лассо лучше всех в Техасе? – закончила собеседница, угадав не высказанную им мысль.

– Нет-нет! – смеясь, запротестовал он. – Это старик Зеб так считает, а он судит о моем искусстве, вероятно принимая свое за образец.

«Что это – скромность? – недоумевала креолка. – Или этот человек смеется надо мной? Если бы это было так, я сошла бы с ума».

– Вам, наверно, хочется вернуться к вашим друзьям? – сказал Морис, заметив ее рассеянность. – Ваш отец, вероятно, уже беспокоится, что вас так долго нет. Ваш брат, ваш кузен...

– Да, вы правы, – поспешила она ответить тоном, в котором прозвучала нотка не то обиды, не то досады. – Я не подумала об этом. Спасибо, сэр, что вы напомнили мне о моих обязанностях. Пора возвращаться.

Они опять вскочили на лошадей. Неохотно подобрала Луиза поводья, как-то медлительно вдела ноги в стремя; казалось, ей вовсе не хотелось уезжать отсюда.

* * *

Когда они снова выехали в прерию, Морис направился со своей спутницей к месту пикника самой короткой дорогой.

Их обратный путь лежал через живописное место, известное в Техасе как «сорняковая прерия». Так называли ее пионеры-поселенцы, видно не задумываясь особенно над выбором названия.

Уроженка Луизианы увидела вокруг себя огромный сад, где цвело множество ярких цветов, – сад, граничащий с голубым сводом неба, насаженный и выращенный самой природой.

Эта живописная местность оказывала облагораживающее влияние на многих, даже самых примитивных людей. Я видел, как неграмотный зверолов, обычно не замечавший никакой красоты, останавливался посреди сорняковой прерии и, окруженный цветами, которые касались его груди, долго любовался на чудесные венчики, колышущиеся на бесконечном пространстве; и сердце его становилось более отзывчивым...

– Как здесь хорошо! – воскликнула в восторге креолка, невольным движением останавливая лошадь.

– Вам нравится здесь, мисс Пойндекстер?

– Нравится? Это не то слово, сэр. Я вижу перед собой все, что только есть самого чудесного и прекрасного в природе: зеленую траву, деревья, цветы, – все, что мы выращиваем с таким трудом и все-таки никогда не достигаем равного. Здесь ничего не добавишь – это уголок девственной природы, безупречный в своем совершенстве.

– Здесь не хватает домов.

– Но они испортили бы пейзаж. Мне нравится, когда не видно домов и черепичных крыш и трубы не торчат среди живописных силуэтов деревьев. Под их сенью мне хотелось бы жить, под их сенью мне хотелось бы...

Слово «любить» готово было сорваться с ее губ. Но она вовремя удержалась и неожиданно даже для себя заменила его словом «умереть».

Со стороны молодого ирландца было жестоко не признаться девушке в том, что ее слова были словно эхом его чувств.

Но его ответ прозвучал прозаично и холодно:

– Боюсь, мисс, что вам скоро надоела бы такая суровая жизнь – без крова, без общества, без...

– А вам, сэр? Почему она не надоедает вам? Ваш друг мистер Стумп говорил мне, что вы ведете такой образ жизни уже несколько лет. Это правда?

– Совершенно верно – другая жизнь меня не привлекает.

– О, как бы я хотела сказать то же самое! Как я вам завидую! Я уверена, что была бы бесконечно счастлива среди этой чудной природы.

– Одна? Без друзей? Даже без крова над головой?

– Я этого не говорила... Но вы не сказали мне, как вы живете. Есть ли у вас дом?

– Он не заслуживает такого громкого названия, – смеясь, ответил мустангер. – Лачуга, пожалуй, более подходящее слово для того, чтобы составить представление о моем хакале – одном из самых скромных жилищ в нашем крае.

– Где же оно находится? Недалеко от тех мест, где мы сегодня были?

– Не очень далеко отсюда – не больше мили. Видите вершины деревьев на западе? Они укрывают мою хижину от солнца и защищают ее от бурь.

– Да? Как бы мне хотелось взглянуть на нее! Простая хижина, вы говорите?

– Именно.

– Стоящая в уединении?

– Нет ни одного жилища ближе десяти миль от нее.

– Среди деревьев? Живописная?

– Это уж как кому покажется.

– Мне хотелось бы посмотреть на нее, чтобы иметь представление. Только одна миля отсюда, вы говорите?

– Миля туда, миля обратно – всего две.

– Пустяки, это займет не больше двадцати минут.

– Я боюсь, что мы злоупотребим терпением ваших близких.

– А может быть, вашим гостеприимством? Простите, мистер Джеральд, – продолжала девушка, и легкая тень омрачила ее лицо, – я не подумала об этом. Вероятно, вы живете не один? В вашей хижине есть еще кто-нибудь?

– О да! Я поселился здесь не один. Со мной...

Прежде чем мустангер закончил свою речь, в воображении Луизы встал образ девушки ее лет, с бронзовым оттенком кожи, с миндалевидным разрезом глаз. Зубы у нее, должно быть, белее жемчуга, на щеках алый румянец, волосы как хвост Кастро, бусы на шее, браслеты на ногах и руках, замысловато вышитая короткая юбочка, мокасины с бахромой на маленьких ножках. Таким представила себе Луиза второго обитателя хижины мустангера.

– Может быть, появление гостей, особенно незнакомых, будет не совсем удобно?

– Напротив, он всегда очень рад гостям, будь то незнакомые или же друзья. Мой молочный брат очень общительный человек, но ему, бедняге, теперь мало с кем приходится встречаться.

– Ваш молочный брат?

– Да. Его зовут Фелим О'Нил. Как и я, он уроженец Изумрудного острова²⁹, графства Голуэй. Только в его речи ирландский акцент еще слышнее, чем в моей.

– О, как бы мне хотелось его послушать! Ведь диалект графства Голуэй очень своеобразен. Не правда ли?

– Мне трудно об этом судить, я ведь сам оттуда. Но если вы согласитесь на полчаса воспользоваться гостеприимством Фелима, то сможете составить собственное мнение.

²⁹ Изумрудный остров – поэтическое название Ирландии.

– С огромным удовольствием! Это будет интересно, так ново! Пусть отец и остальные подождут. Там много дам и без меня, пусть они займутся поисками наших следов. Это будет не менее интересно, чем обещанная охота на мустангов. А я с радостью воспользуюсь вашим приглашением.

– Боюсь только, что я ничего не смогу вам предложить. Фелим несколько дней оставался один. Сам же он не охотник, и, наверно, наша кладовая пуста. Хорошо, что вы успели закусить перед этой ужасной скачкой.

Конечно, не кладовая Фелима заставила Луизу Пойндекстер свернуть с пути. Не слишком сильно интересовало ее и произношение ирландца. И не желание увидеть хижину мустангера руководило ею. Ее толкало чувство, которому она была не в силах противиться, словно она верила, что это ее судьба.

* * *

Луиза посетила одинокую хижину на Аламо, побывала под ее кровлей. Она с интересом разглядывала ее необычную обстановку и была приятно поражена, обнаружив в хижине книги, бумагу, письменные принадлежности и другие мелочи, которые свидетельствовали об образованности хозяина хакале. С видимым удовольствием слушала она забавную речь Фелима; не отказалась и от всяких угощений, за исключением того, что ее больше всего уговаривали попробовать: капельки освежающего напитка из «этой вот бутылки». И наконец, веселая и оживленная, она уехала.

Но ее оживление было мимолетным. Приподнятое настроение, вызванное новизной впечатлений, исчезло. Снова проезжая по прерии, усыпанной цветами, она глубоко задумалась. И вдруг у нее мелькнула мысль, которая обдала ее сердце мучительным холодом.

Мучилась ли она оттого, что заставила так долго тревожиться своего отца, брата и друзей? Или, быть может, она стала беспокоиться, боясь, что ее поведение сочтут легкомысленным?

Нет, не это мучило Луизу. Печаль, омрачившая ее лицо, была вызвана совсем другой мыслью. Весь день, по дороге от форта к месту пикника, при встрече на поляне, во время отчаянного бегства от диких жеребцов, когда Морис Джеральд был ее защитником, в минуты отдыха у озера, на обратном пути в прерии, под его скромной кровлей, – все это время спутник был с ней только вежлив и корректен.

Глава XVIII

Ревность идет по следам

Из сорока всадников, бросившихся спасать Луизу, только немногие заехали далеко. Потеряв из виду дикий табун, крапчатого мустанга и мустангера, они стали терять из виду и друг друга. Вскоре они уже рассыпались в прерии поодиночке, по двое или же группами в три-четыре человека. Большинство из них, не имея опыта следопыта, потеряли следы манады и направились по другим – может быть, оставленным той же манадой, только раньше.

Драгуны во главе с молодым офицером, только что окончившим военное училище в Уэст-Пойнте, тоже потеряли след табуна и свернули в сторону по ответвляющемуся старому следу; за драгунами направились и большинство гостей.

Они ехали по холмистой прерии, кое-где перерезанной полосами кустарника; заросли и холмы заслоняли всадников, и скоро они потеряли друг друга из виду. Минут двадцать спустя после начала погони птица, парившая в небе, могла бы увидеть с полсотни всадников, по-видимому выехавших из одного места, но теперь скакавших в разные стороны.

Лишь один всадник мчался в правильном направлении. Он ехал на сильном рыжем коне – правда, не отличавшемся красотой, но зато выносливом и быстрым. Синий, полувоенного покроя сюртук и синяя фуражка свидетельствовали о том, что всадник этот не кто иной, как отставной капитан Кассий Колхаун. Это он гнал свою лошадь по верным следам; хлыстом и шпорами Колхаун заставлял ее бежать во весь опор. Его же самого подгоняла мысль, острая, как шпоры, – она заставляла его напрягать все силы, чтобы достичь цели.

Как голодная гончая, мчался он по следу, вытянув вперед голову, в надежде, что будет вознагражден за свои усилия.

Он даже сам как следует не представлял, к чему все это приведет; и только по зловещему взгляду, который время от времени он бросал на рукоятки пистолетов, торчавших из кобуры, можно было догадаться, что он задумал что-то недоброе.

Если бы не одно обстоятельство, Колхаун сбился бы с пути, как и другие. Его вели хорошо знакомые следы двух лошадей. Один, который был побольше, он помнил с мучительной ясностью. Он видел этот отпечаток на пепле выжженной прерии. Что-то заставило его тогда запомнить эти следы, и теперь он легко узнавал их.

Наконец отставной капитан прискакал к зарослям и скоро оказался на поляне, где так неожиданно остановился крапчатый мустанг. До этого места ему нетрудно было ориентироваться, но здесь он стал в тупик. Среди отпечатков копыт диких кобыл следы подков все еще были видны, но здесь лошади уже не бежали галопом. Всадники тут остановились и стояли бок о бок.

Куда же теперь? Среди следов манады уже больше не было заметно отпечатков подков; их вообще нигде не было видно. Земля вокруг была твердая и усыпана галькой. Только лошадь, скачущая быстрым галопом, могла бы оставить на ней след, но не бегущая спокойной рысцой.

Когда крапчатая кобыла и гнедой тронулись с этого места, они ехали спокойным шагом на протяжении нескольких десятков ярдов, прежде чем поскакали галопом, направляясь к ловушке для диких лошадей.

Колхаун был озадачен. Он все кружил и кружил по следам диких кобыл и снова возвращался, не находя направления, в котором поскакали подкованные лошади.

Он был окончательно сбит с толку, когда увидел одинокого всадника, приближавшегося к нему.

В огромном, неуклюжем человеке с длинной бородой, верхом на самой нелепой кляче, какую можно было найти в окрестностях на расстоянии ста миль, нетрудно было узнать старого

охотника. Кассий Колхаун был знаком с Зебулоном Стумпом еще задолго до того, как они ступили на землю Техаса.

– Ну что, мистер Колхаун, догнали вы мисс Луизу? – спросил старый охотник с необычной для него серьезностью. – Нет, не догнали, – продолжал он, взглянув на растерянное лицо Колхауна и сделав соответствующий вывод. – Черт побери, хотел бы я знать, куда же понесла ее эта проклятая кобыла? И любопытно, как это случилось, – мисс Пойндекстер такая хорошая наездница. Ну ничего, большой беды не может быть. Мустангер, конечно, поймает кобылу своим лассо и положит конец ее дури. А почему вы тут остановились?

– Не могу понять, в каком направлении они поскакали. По этим следам можно догадаться, что они здесь останавливались. Но я не вижу, куда следы идут дальше.

– Да-да, так и есть, мистер Колхаун. Они здесь стояли, и очень близко друг к другу. Больше они не скакали по следам диких кобыл. Это наверняка. Так куда же они делись?

Зеб Стумп вопросительно посмотрел на землю, словно ожидая ответа от нее, а не от Колхауна.

– Нигде не вижу их следов, – сказал отставной капитан.

– Не видите? А я вот вижу. Гляньте-ка сюда! Вон они, где трава примята.

– Не вижу.

– Ну вот еще! Глядите хорошенько! Большая подкова, а вот сбоку маленькая. Они уехали вон туда. Значит, они мчались за дикими кобылами лишь до этого места. Поедем по их следам?

– Конечно!

Без дальнейших разговоров Зеб Стумп направился по новым следам – быть может, и незаметным для других, но не ускользнувшим от его глаз.

Скоро и его спутник смог разглядеть их: это было в том месте, где Морис и Луиза снова поскакали галопом, спасаясь от жеребцов, и где следы подкованных лошадей глубоко врезались в землю, поросшую травой.

Через некоторое время они снова затерялись или, вернее, стали заметны лишь для глаза такого опытного следопыта, как Зеб Стумп, который различил их среди сотни отпечатков копыт, оставленных на примятой траве.

– Ого! – вдруг с удивлением воскликнул старый охотник. – Что же здесь происходило? Что-то занятное...

– Это же отпечатки копыт диких кобыл, – сказал Колхаун. – Они как будто сделали круг и вернулись обратно.

– Если они это и сделали, то лишь после того, как всадники пронесли мимо. Должно быть, дело приняло другой оборот.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что теперь уже не всадники гнались за кобылами, а кобылы за ними.

– А откуда вы это знаете?

– Да разве вы не видите, что следы подков затоптаны кобылами... Да какие там кобылы – ведь это следы больших копыт! Они на целый дюйм больше. Здесь побывал табун жеребцов. Иосафат! Неужели же они...

– Что «они»?

– Погнались за крапчатой. А если так, то мисс Пойндекстер грозила опасность. Поедем дальше.

Не давая дальнейших объяснений, старый охотник затрусил мелкой рысцой, а Колхаун последовал за ним, засыпая его вопросами.

Но Зеб только махнул рукой, как бы говоря: «Не приставай, я очень занят».

Некоторое время его внимание было совершенно поглощено изучением следов. Различить отпечатки подков было нелегко, так как они были затоптаны жеребцами. Но охотнику то

тут, то там удавалось заметить их, пока он продвигался вперед по-прежнему мелкой рысью. Лишь после того, как Зеб остановил свою кобылу на расстоянии ста ярдов от оврага, с его лица сошла тревога; только теперь он согласился наконец дать разъяснения.

– Ах, вот в чем дело! – сказал Колхаун, услышав их. – А почему вы думаете, что они спаслись?

– Посмотрите сюда!

– Мертвый жеребец... И убитый совсем недавно... Что это значит?

– То, что мустангер убил его.

– И, по вашему мнению, так напугал остальных, что они прекратили погоню?

– Погоню-то они прекратили, но остановил их, видно, не выстрел, а вот эта штука – труп жеребца. Черт побери, ну и прыжок!

Зеб указал на зияющий овраг, к краю которого они подъехали.

– Вы же не думаете, что они перескочили? – спросил Колхаун. – Это невозможно!

– Перескочили как пить дать. Разве вы не видите следов их лошадей не только здесь, но и по ту сторону? И мисс Пойндекстер первая. Иосафат! Что за девушка! Они оба должны были перескочить, прежде чем застрелили жеребца, иначе им это не удалось бы. Только здесь и можно было перескочить. Молодчина мустангер! Уложил жеребца как раз у самого узкого места.

– Вы думаете, что он и моя кузина вместе перескочили овраг?

– Не совсем вместе, – ответил Зеб, не подозревая, почему Колхаун его так допрашивает. – Я уже сказал, что крапчатая перескочила первой. Посмотрите, вон там ее следы – по ту сторону оврага.

– Вижу.

– А разве вы не видите, что они перекрыты следами лошади мустангера?

– Да-да!

– Жеребцы не прыгали на ту сторону, ни один из всего табуна. Дело, видно, было так: парень перескочил и послал пулю в эту скотину. Это было все равно что закрыть за собой ворота. Увидев, что вожак упал, жеребцы остановились и побежали обратно. Вот здесь и следы вдоль оврага.

– Может быть, они перебрались в другом месте и продолжали преследование?

– Если бы так, им пришлось бы пробежать десять миль, прежде чем вернуться сюда: пять вверх по оврагу и пять назад. Но ничего этого не было, мистер Колхаун. Не беспокойтесь, они больше не преследовали мисс Луизу. Перескочив через овраг, они с мустангером поскакали рядышком; совсем спокойно, как два барашка. Опасность для них миновала; а теперь они уже, наверно, поехали туда, где стоит фургон с припасами.

– Едем! – сказал Колхаун с нетерпением, как будто его кузине все еще угрожала опасность. – Едем, мистер Стумп! Как можно быстрее.

– Не спешите, сделайте милость, – ответил Зеб, спокойно слезая и доставая нож. – Подождите минут десять.

– Подождать? Чего ради? – раздраженно спросил Колхаун.

– Надо снять шкуру с этого жеребца. Хорошая шкура! Я получу за нее в нашем поселке не меньше пяти долларов. А пять долларов не каждый день найдешь в прерии.

– Будь она проклята, эта шкура! – со злобой отозвался Колхаун. – Едем, бросьте это!

– И не подумаю, – с невозмутимым хладнокровием сказал Зеб, вспарывая острым лезвием шкуру на брюхе убитого животного. – Вы можете ехать, если вам нужно, мистер Колхаун, а Зеб Стумп не тронется с места до тех пор, пока не взвалит шкуру на спину своей кляче.

– Ну скажите, Зеб, что мне делать? Вы же знаете, что я не найду дорогу.

– Пожалуй, это похоже на правду. Да я и не говорил, что вы найдете.

– Ну, послушайте же, упрямый вы старик! Время очень дорого мне именно сейчас. А вы провозитесь со шкурой целых полчаса.

– Меньше двадцати минут.

– Пусть двадцать минут. Но для меня двадцать минут куда дороже пяти долларов. Вы ведь сказали, что такова цена этой шкуры? Бросьте ее здесь, а я обещаю уплатить вам за нее.

– Так-с. Это чертовски великодушно! Только мне что-то не хочется воспользоваться вашим предложением. Это была бы подлость с моей стороны – принять деньги за такое дело, тем более что мы знакомы и нам по пути. С другой стороны, я не могу допустить, чтобы шкура стоимостью в пять долларов сгнила бы здесь, не говоря уже о том, что ее могут растерзать грифы, прежде чем мне случится снова побывать в этих местах.

– Черт знает что такое! Но что же мне делать?

– Вы торопитесь? Так-с... Жаль, что я не могу сопровождать вас... Стойте! Незачем вам дожидаться меня. Вы сами найдете дорогу к месту пикника очень просто. Смотрите, вон там дерево на горизонте, – видите, высокий тополь?

– Да, вижу.

– Так-с... Узнаёте? Это чудное растение больше похоже на колокольню, чем на дерево.

– Да-да, теперь узнаю. Ведь мы промчались совсем близко от него, когда преследовали диких кобыл.

– Совершенно верно. Что же вам мешает теперь вернуться этой же дорогой, мимо тополя, и ехать по следам кобыл, только в обратную сторону? Так вы и приедете к месту пикника и увидите там мисс Пойндекстер и всю веселую компанию, выпивающую эту французскую ерунду – шампань. И пусть себе пьют на здоровье, лишь бы не вспомнили о виски, а то мне нечем будет промочить горло, когда я вернусь.

Колхаун уже давно не слушал цветистую речь старого охотника. Стоило ему узнать дерево, видневшееся на горизонте, как он пришпорил своего рыжего коня и поскакал галопом, оставив старика Зеба за его работой.

– Иосафат! – воскликнул охотник, подняв голову и заметив, что капитана и след простыл. – Не требуется особого ума, чтобы понять, из-за чего эта горячка; хоть я не больно догадлив, но сдаётся мне, что это самая настоящая ревность, которая рыщет по следам.

* * *

Зеб Стумп не ошибся. Именно ревность заставила Кассия Колхауна поспешить в обратный путь. Впервые она начала мучить его в выжженной прерии; с каждым днем она становилась все сильнее, разжигаемая не только тем, что он действительно видел, но также и тем, что ему чудилось; и теперь наконец она подавила в нем все другие чувства.

Мустангер подарил Луизе крапчатого мустанга и приучил его к седлу, а она приняла этот подарок, даже не пытаясь скрыть своей радости. Эти и некоторые другие наблюдения действовали на разыгравшееся воображение капитана, и он больше не сомневался, что Морис-мустангер стал его главным соперником.

Скромное положение охотника за лошадьми, казалось, не давало серьезных оснований не только для такой уверенности, но даже и для подозрений.

Наверно, это и было бы так, если бы Колхаун не знал так хорошо характер Луизы Пойндекстер; с детских лет она проявляла полную независимость, ей свойственна была смелость, граничащая с безрассудством, – едва ли можно было надеяться, что она посчитается с обычаями своей среды. Для большинства женщин ее круга бедность и незнатность охотника за лошадьми могли бы послужить преградой если не для неравного брака, то по крайней мере для опрометчивых поступков; но Колхаун, стараясь представить в своем ревнивом воображении поведение Луизы, не мог надеяться и на это.

Взволнованный событиями дня, так неудачно сложившегося для него, Колхаун скакал к месту пикника. Не спуская глаз с дерева, похожего на колокольню, он отыскивал следы манады; теперь он уже не мог заблудиться. Ему оставалось только вернуться по собственным следам.

Он ехал быстрой рысью – гораздо быстрее, чем хотел бы его усталый конь. Всадника подгоняли мрачные мысли. Уже больше часа они всецело владели им – их горечь он еще сильнее ощущал в своем одиночестве среди окружающей тишины. Колхауна не обрадовала даже встреча с двумя всадниками, которые показались вдали и ехали в том же направлении. Он сразу узнал их, хотя видел только спины, и то издалека. Это были виновники его горьких размышлений.

Так же как и он, они возвращались по следам диких кобыл, на которые они только что выехали, когда он их заметил. Они ехали рядом, бок о бок. Видимо увлеченные каким-то интересным разговором, они не заметили догонявшего их одинокого всадника.

В отличие от него, они, казалось, не слишком торопились вернуться к обществу и ехали медленно; крапчатый мустанг то и дело замедлял шаг.

Их позы, их явное невнимание к окружающему и, наконец, их медлительность – все это настолько усилило подозрения капитана, что он почти потерял самообладание.

Подъехать галопом и грубо прервать их нежную беседу было первое, что пришло ему в голову. Еще раз он заставил свою измученную лошадь скакать быстрее.

Однако через несколько секунд Колхаун натянул поводья, как будто переменив решение. До всадников не долетел еще топот копыт его лошади, хотя капитан теперь был всего лишь ярдах в двухстах от них. До него уже доносился серебристый голосок его кузины, которая, по-видимому, говорила больше, чем ее собеседник. Как интересен для них был этот разговор, если они даже не заметили его приближения!

Если бы ему удалось подслушать, о чем они говорят! На первый взгляд казалось, что из этого ничего не выйдет. Но почему бы не попробовать?

По-видимому, они настолько увлечены беседой, что такая возможность не исключена. Трава саванны мягка, как бархат, и легкие удары копыт совсем беззвучны.

Колхаун был охвачен таким нетерпением, что не мог ехать шагом; но его рыжий конь охотно пошел иноходью, обычным аллюром лошадей юго-западных штатов.

Едва поднимая копыта над землей, почти скользя по траве, он продвигался бесшумно, но быстро – настолько быстро, что через несколько секунд уже догнал крапчатую кобылу и гнедого коня мустангера.

Тогда капитан заставил своего коня замедлить шаг и идти в ногу с ними; сам же он наклонился вперед и с напряжением прислушивался. Судя по его позе, он готов был разразиться самой грубой руганью или же, быть может, схватиться за нож или револьвер.

Его дальнейшее поведение зависело от того, что он услышит.

Но ничего не случилось. Хотя два всадника, поглощенные своей беседой, были глухи к окружающему, слух их лошадей оказался более чутким, и, когда усталый рыжий конь, перейдя на шаг, тяжело ударил копытом, крапчатый мустанг и гнедой конь вскинули головы и громко заржали. План Колхауна потерпел неудачу.

– А! Кузен Каш! – воскликнула Луиза, обернувшись к капитану, и в тоне ее прозвучало не столько удивление, сколько досада. – Ты здесь? А где отец, Генри и остальные?

– Почему ты меня об этом спрашиваешь, Лу? Я знаю о них столько же, сколько и ты.

– Неужели? Я думала, что ты выехал нам навстречу. И они тоже... Ах, твоя лошадь вся в пене! Она выглядит так, словно ты скакал на ней долго, как и мы.

– Ты права. Я с самого начала бросился за тобой в надежде помочь тебе.

– В самом деле? А я и не знала, что ты ехал за нами. Спасибо, кузен. Я только что благодарила мистера Джеральда, который тоже поехал за мной и любезно спас меня и Луну от

очень большой неприятности – вернее, от ужасной опасности. Представь себе, за нами погнались дикие жеребцы, и мы мчались от них, буквально спасая свою жизнь.

– Я это знаю.

– Так, значит, ты видел, как они гнались за нами?

– Нет. Я узнал об этом по следам.

– По следам? И тебе удалось разобраться в них?

– Да, благодаря разъяснениям Зеба Стумпа.

– О! Он был с тобой? И вы ехали по следам до... до какого места?

– До оврага. Зеб мне сказал, что ты перескочила через него. Это правда?

– Луна перескочила.

– И ты была в седле?

– Конечно! Что за странный вопрос, Кассий! – сказала она, смеясь. – Или, по-твоему, я должна была ухватиться за ее хвост?.. А ты тоже перескочил? – спросила креолка, внезапно меняя тон. – И ехал по нашим следам дальше?

– Нет, Лу. От оврага я направился прямо сюда, предполагая, что ты вернешься раньше меня. Вот так мы и встретились с тобой.

Луиза, казалось, была удовлетворена этим ответом.

– Ах так! Хорошо, что ты догнал нас. Мы ехали медленно. Луна, бедняжка, очень устала. Не знаю, как только она доберется до Леоны...

С той минуты, как Колхаун присоединился к ним, мустангер не проронил ни слова. Без видимого сожаления он оставил общество молодой креолки и молча поехал впереди, снова вернувшись к своей роли проводника.

Несмотря на это, капитан не спускал с него испытующего взгляда. А когда Колхаун ловил – или думал, что поймал восторженный взгляд Луизы, направленный в ту же сторону, – его глаза загорались дьявольской злобой.

Длительное путешествие трех всадников могло бы привести к трагическому концу. Однако появление участников пикника предупредило такую развязку. Беглянку встретили хором восторженных возгласов, на время разогнавших другие мысли.

Глава XIX

Виски с водой

В поселке, возникшем вблизи форта Индж, гостиница была самым заметным зданием. Впрочем, это характерно для всех городов Техаса, выстроенных за последние сорок лет. Лишь в немногих старых городах испано-мексиканского происхождения крепости и монастыри господствовали над другими зданиями. Но и эти реликвии прошлого большей частью тоже превратились в гостиницы-таверны.

Хотя гостиница форта Индж и являлась самым большим зданием в поселке, тем не менее она была невелика и не представляла собой ничего примечательного. Едва ли она претендовала на какой-либо архитектурный стиль. Это была деревянная постройка в форме буквы Т, сооруженная из обтесанных бревен. Продольную часть здания занимали комнаты для приезжающих, а поперечная представляла одно большое помещение, в котором находился буфет, или, как его называли в Америке, бар. Здесь пили, курили и, не стесняясь, плевали на пол.

Перед входом в гостиницу на дубу со спиленной вершиной раскачивалась вывеска, на которой с обеих сторон был изображен герой, нашедший славу в этих краях, – генерал Захарий Тейлор³⁰. Под портретом – название гостиницы: «На привале».

Если вы когда-нибудь путешествовали по южным или юго-западным штатам Америки, вы не нуждаетесь в описании буфета. В этом случае ничто не изгладит из вашей памяти бара гостиницы, в которой вы имели несчастье остановиться. Стойка тянется через всю комнату вдоль стены, на которой красуются полочки, уставленные графинами и бутылками, содержащими жидкость не только всех цветов радуги, но и всевозможных их сочетаний. За стойкой снуют элегантный молодой человек – так называемый бармен; только не назовите его трактирщиком, иначе вы рискуете получить бутылкой по зубам. Этот элегантный молодой джентльмен одет в голубую сатиновую блузу, или в куртку из белого полотна, или, быть может, просто в рубашку из линобатиста с кружевом, загофрированным бог весть когда. Этот элегантный молодой человек, смешивая для вас «шерри коблер», смотрит вам прямо в глаза и разговаривает с вами о политике, в то время как лед, вино и вода, переливаясь из стакана в стакан, искрятся и создают что-то вроде радужного сияния за его плечами или же ореол, окружающий его напояженную голову. Если вы путешествовали по южным штатам Америки, вы, конечно, не забыли его? А если так, то мои слова напомнят вам его и окружающую обстановку: бар, которым он управляет среди полочек и разноцветных бутылок; вы вспомните стойку, пол, посыпанный белым песком, где иногда валяются окурки сигар и видны коричневые плевки; вы вспомните также и запах мяты, полынной водки и лимонной корки, жужжащие рои обыкновенных черных мух, мясных мух и больно жалящих москитов. Все это должно было врезаться в вашу память.

Хотя гостиница «На привале» и мало чем отличалась от других подобных заведений Техаса, она все же имела свои особенности. Ее хозяином был не оборотистый янки, а немец, вполне оправдывавший репутацию своих соотечественников, которые считаются поставщиками лучших продуктов. Он сам прислуживал в своем баре; и, когда вы входили туда, вам приготовлял напиток не элегантный молодой джентльмен с душистой шевелюрой и в рубашке с рюшами, а степенный немец, который выглядел так трезво, словно он никогда не пробовал – несмотря на соблазн выпить по оптовой цене – ароматных напитков, которыми угощал своих клиентов. Местные жители называли его коротко: «Доффер», хотя у себя на родине он был известен под фамилией Обердофер.

³⁰ Захарий Тейлор (1786–1850) – американский генерал, принимавший участие в войне с Мексикой (1846–1848). Впоследствии президент США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.